

Валентина Томашевская-Ардт

ХРУСТАЛЬНЫЕ КИРПИЧКИ

Вступление

Мы жили недалеко от моря в гостинице, стилизованной под корабль: на стенах в коридоре были развешены картины и гравюры старинных парусников, фрегатов, схемы и тексты к ним, рассказывающие о якорях и морских узлах. В нише стены – старинный руль и фонарь, на дверях комнат таблички: «Капитан», «Боцман», «Юнга» – словом, все вызывало ассоциации, напоминая о жизни тружеников моря, связанной с одной стороны, с приключениями, а с другой, с нелегким трудом.

Нас поселили в «Капитане». С утра мы отправлялись на море, впитывая в себя вместе с теплом солнечных лучей голубизну утреннего и вечернего неба и моря, оттененную в эти часы светло-розовым перламутром, любовались чайками, слушая их воркотню, особенно по утрам они были разговорчивы. Открыв окно, можно было видеть оранжево-красные черепичные крыши, портовый кран у реки Венты, стоящие в бухте катамараны.

Чайки смеются,
будят клекотом своим.
О чем рассказ твой,
чайка на крыше?
Беседа твоя о чем?

Возвращаясь в гостиницу, мы брали ключи у столика администрации, где посменно дежурили три женщины. Они были приветливы, легко шли на контакт, охотно советуя нам, куда лучше сходить пообедать, отдохнуть. Невольно завязывался разговор. Один раз, разговорившись с дежурившей в тот вечер Наталией Николаевной, дала ей почитать альманах, в котором были напечатаны мои рассказы. Она вспомнила и рассказала об одной женщине, отдыхавшей несколько раз в этой гостинице и пообещала принести рукопись, оставленную ею. В другое свое дежурство Наталия Николаевна принесла и предложила мне от руки написанные записки.

Я лишь немного отредактировала материал, расположив в определенной временной последовательности, дав рассказам и миниатюрам свои заглавия.

История одной любви

Семья, в которой вырос Николай, была не из бедных. И отец, и дед учительствовали: их портреты висели на стене в гостиной: красивые, холеные лица с замысловатыми усами. Николай, высокий, ладный, был первым парнем на деревне. Закончил семилетку и курсы шоферов, что еще больше придало ему по популярности и уважения среди сельчан в годы довоенные. Многие девушки, дочери зажиточных селян, тайно мечтали выйти за него замуж, но он выбрал Марусю. Чем она его взяла? Этим вопросом задавались многие, но особенно беспокоил он мать Николая: маленькая, ничем не примечательная, а самое главное, кое-как закончила три класса церковно-приходской школы, малограмотная! Николай никого не хотел слушать, ходил, как привороженный за своей Марусей. Красавицей ее не назвать, но молода, белолица, трудно отвести взор от этого вроде бы ничем не примечательного лица. Была в ней своя изюминка. А может, это лицо озарял свет любви, делая его невыразимо

прекрасным? Кто знает? На предложение стать его женой девушка ответила сиянием глаз да легким наклоном головы. И хотя родители жениха были против (единственный сын выбрал неграмотную) - сыграли свадьбу. В положенный срок родилась у молодых дочь, которую назвали Лидией. Свекровь так до конца жизни не смирилась с выбором сына, не признавала невестку даже после рождения внучки. Молодые жили дружно, Маруся души не чаяла в своем Николеньке.

Вскоре Николай вступил в партию, стал личным шофером председателя колхоза, много ездил с ним по району и, когда возвращался, подаривал свою молодую жену подарками. Свекровь была недовольна - куда ей столько? Работать жене Николай не позволял, считая, что жена должна заниматься детьми и домом.

Все бы хорошо, да вот только здоровье у Марии было неважное: вроде ничего и не болело, но силы уходили, таяли, очень уставала, похлопочет по дому и приляжет. Врачи никакого диагноза не ставили, но и без того худенькая Мария таяла на глазах. Муж чаще стал приходиться домой выпившим, счастливая жизнь потихоньку стала разлаживаться. В один из таких дней Мария замесила тесто и вдруг услышала за спиной: «Добрый день вам в хату!» На пороге стояла смуглая темноволосая женщина, приветливо улыбалась. Надо заметить, что во дворе был огромный пес - волкодав, соседи не осмеливались без хозяина открывать калитку. Не дожидаясь вопроса, видя удивление в глазах Марии, женщина сказала: «Собаки меня не трогают. Мы сербские цыгане, стоим табором за селом. Не дадите ли чего-нибудь из еды?» В кухне был полумрак, свет шел из небольшого окна. Мария усадила гостью за стол и стала угощать ее. Разговорились. Вглядываясь в лицо Марии, женщина тяжело вздохнула и сказала, что видит, как плохо та себя чувствует. «Я помогу тебе», - сказала женщина. - Дай-ка, милая, мне сырое яйцо». Женщина что-то шептала и, начиная с макушки, начала выкатывать яйцом хворь. В районе грудины особенно тщательно, потом попросила банку с водой и разбила яйцо. В воде Маруся увидела маленькую ящерицу. «Вспоминай,» - сказала сербиянка. Маруся не сразу вспомнила, как однажды ночевали у свекрови. А встав утром с постели, вступила в воду и очень удивилась, откуда там вода. «На смерть тебе было сделано,» - сказала цыганка. Так или иначе, но после этого случая здоровье Маруси пошло на поправку.

Вскоре Николай закончил школу партийного актива и получил назначение в военную часть у самой границы, переехал с семьей на новое место жительства. У них родилась еще одна дочь, Леночка.

Лида, когда сестричка подросла, стала замечать, что мама целует и жалеет Лену, а ее никогда не приголубит. Уже повзрослев и поговорив об этом с матерью, Лида узнала, что Леночка похожа внешне на отца, которого мать боготворила и оттого больше любви ей доставалось.

Николай до поздней ночи пропадал на работе, нередко возвращаясь домой под хмельком, но жену никогда не обижал, жили дружно. Однажды Николай пришел пьяный и, пока Мария собирала ужин, прилег отдохнуть. Вдруг Мария услышала крик детей: «Мама у папы огонь изо рта!». Огонь удалось потушить, срочно вызвали врача. Он сказал, что в его практике еще не было случая, чтобы после такого человек остался живым. Впоследствии Николай больше ни разу не брал спиртного в рот. Мария не могла нарадоваться на своего Коленьку.

В первые часы войны Мария рассталась с мужем: он побежал в военную часть, а она, как и другие женщины с детьми -на телегах- были отправлены в более безопасное место, в тыл. А следом, прямо по пятам, шли немецкие танки. Успели ли они проститься в этой суматохе? Что сказали друг другу? Не знаю, знаю только, что встретиться им более не довелось.

...Одной, с двумя детками, Марии пришлось обустроиваться на новом месте, в незнакомом ей поселке. Зимой, заболев двухсторонним воспалением легких, умерла Леночка.

Лишь после войны Мария с дочерью вернулась на родину, в родное село. Жили они, если сказать бедно, будет также далеко от истины, как и если сказать скромно. Оставшись одна, Мария не стала искать работу - да и куда было устраиваться? Живя с Николаем, она ни одного дня не работала, только по дому, как этого хотел ее Николенька. Ни весточки, ни письма от него не было ни разу за всю войну.

Мария ждала своего Колю и считала, что устроиться на работу, все равно, что предать, расписаться в том, что она поверила в гибель Николая и что он никогда не вернется к ней. До конца жизни она верила, что ее Коля жив, что он попал в плен и непременно вернется к ней. Сколько раз гадала она на картах, на хлебе (говоря современным языком, метод биолокации)... Все говорило: жив он. Или просто ей хотелось верить в это? Многочисленные бабки-гадалки поддерживали в ней эту веру. Одна из них сказала, что Николай ее жив, проживает в Америке.

Тридцатидвухлетняя женщина, оставшись без мужа как оскорбление воспринимала ухаживание и тем более предложения мужчин выйти замуж. Она отчаянно, с каким-то маниакальным упорством, ждала мужа, он был ее единственным светом в окошке. Ничто не могло спровоцировать ее на любовь к другому человеку или занятию, или окружающему миру. Можно ли превращать ожидание в занятие? Она – превращала.

Мария продавала вишни, абрикосы на железнодорожной станции, встречая поезда (жили недалеко от станции), осенью - семечки. Сама Мария научилась обходиться малым, но дочь подрастала, ей требовалась новая одежда, обувь, но Марии, живущей в мире своих ожиданий, было мало дела до всего этого.

Летом Лидия работала в поле, чтобы скопить денег на обновку. Как некогда библейская Руфь, она жала пшеницу, собирая ее в снопы, работала на элеваторе.

Закончив педагогическое училище, Лида вела уроки в начальных классах, параллельно вела уроки физкультуры. Дети очень любили свою учительницу за добрый и веселый нрав, за молодость и красоту. Весь ее облик дышал трогательной невыразимой прелестью: пушистые волнистые волосы, заплетенные в косу и аккуратно уложенные на голове, огромные глаза, цвета морской волны, белый кружевной воротничок ее неизменно коричневого платья. Детишки тянулись к ней, писали ей письма, дарили открытки, более похожие на фотографии, отретушированные и украшенные по моде тех лет: цветами, голубями и сердечками, - любимой учительнице.

Судьба

Пока она, лежа на полу, подстелив одеяло для удобства, читала «Пармскую обитель» Стендаля, судьба ее была предрешена, она постучалась в ее дверь в образе молодого красивого человека. И хотя Лида была знакома с Анатолием лишь по переписке и приехал он лишь на три дня в их небольшой поселок, в котором они жили с матерью, при виде молодого человека потускнели образы ее сельских воздыхателей, коих было немало, ибо была девушка не то чтоб красавица, а скорее обладала огромной симпатией, разлитой в добрых зеленых глазах, в улыбке, в веселом нраве.

Молодой человек недавно закончил мореходку. Поскольку Анатолий был моряк, расписали их в три дня. Во время свадьбы бабушка Лиды, которой жених чем-то прихвостился не по нраву (как же, письма подружкам перепутал, знать, переписывался не с одной Лидией. Так оно и было, но однажды, показав своим друзьям фото подружки по переписке, услышал: вот эта девушка самая лучшая, к ней он и приехал) и которая плохо себя чувствовала в тот момент, ворчливо сказала, чтоб вы были так счастливы,

как я сейчас, словом не нашла в себе душевных сил для доброго пожелания... Прошло некоторое время. Лида была в положении, ждала ребенка, но в душе ее поселились сомнения: тот ли человек рядом с ней, о котором она столь мечтала? Она приехала к матери. Влюбленный в нее паренек, почувствовал, как ей нелегко и сказал, что возьмет ее даже с ребенком. Вероятно, это «даже»..., сыграло свою роль: она, уже став матерью, подумала о будущем своего ребенка: у него будет неродной отец... И началась их долгая совместная жизнь, в которой было все ...

Они плавали на барже, рудовозе, перевоза грузы по водным артериям Украины и Беларуси, пока однажды не осели, получив однокомнатную квартирку в белорусском городе Пинске.

Вскоре родилась их первая дочь, которую назвали Кристиной, а год спустя – вторая, Корина. Старшая была больше похожа на отца, а младшая - на мать. Впоследствии в чертах лица старшей находили сходство и с полячкой, и с гречанкой, и с еврейкой. Лицо же младшей не поддавалось каким-то национальным определениям. Не столь правильное, оно вызывало неимоверное притяжение и симпатию. Сестры отличались характерами. Старшая – более робкая, хотя и искренняя, впечатлительная. Младшая - с сильным характером заводилы, лидера. Понятно, у них были детские конфликты... С годами старшая и думать о них забыла, не так в случае с младшей. И хотя они большие друзья, но разница между ними немалая, по-разному сложились и их судьбы, но об этом как-нибудь потом.

С годами осознаешь, что душа как любая емкость: чем меньше в ней нагромождено, тем больше может вместиться. Душа, свободная от обид, негатива, вбирает и вмещает больше любви, и человек менее склонен к конфликту в собственной душе и в общении с окружающими его людьми, особенно с близкими, тогда нет никакого трения, стеснения... Необидчивый человек менее подвержен заболеваниям и наоборот... Одна из сестер имела врожденную склонность к математике, другая к языкам и литературе.

Тяга к слову у нее - от отца, который сам писал. А у него, откуда это было у него, простого сельского парня?..

Встреча на фронте

При первом известии о том, что началась война, Иван Григорьевич сказал жене: «Придется нам, Танечка, расставаться, нужно идти Родину защищать». В семье у них было пятеро сыновей. После ухода на фронт Ивана Григорьевича на руках у его супруги остались четверо.

Старший сын – Дмитрий, закончив танковое училище, служил в рядах Советской Армии.

В составе экипажа Т-34 принимал участие в Смоленском сражении, оборонял Москву, обслуживал «Дорогу жизни», по которой доставляли продукты жителям осажденного Ленинграда.

В великой Сталинградской битве Дмитрий участвовал в звании старшего сержанта в составе расчёта знаменитой «катюши». Поехал как-то получать продукты на склад для своей части. Как положено, расписался в ведомости. Заведующий складом заметил: «И у нас есть свой Кочура, Иваном звать». Так встретились отец с сыном, мой дед и дядя. Радости их сопереживали все сослуживцы, ведь это такая редкость – встретиться родным на фронте, протяженность которого тысячи километров. Думали: раз воюют рядом, часто видеться будут. Но судьба распорядилась по-иному. Вскоре Иван Григорьевич был ранен и попал в госпиталь. Разошлись фронтовые пути отца и сына. Мой дед вернулся домой, в семью прямо из Берлина и очень беспокоился о судьбе Дмитрия, своего первенца. Дмитрий демобилизовался в 1946 году. Радостной была эта

встреча. Оба в орденах и медалях, обоим было что рассказать друг другу. И отцу, и сыну сполна довелось хлебнуть: испытать и горечь поражений, и радость побед, почувствовать на своей судьбе, что значит фронтовое братство, потеря товарищей, лихорадочная напряженность боя, щемящее чувство своей вины перед погибшими и сладкое сознание до конца выполненного воинского долга.

...На Рождество 2003 года Кристине впервые довелось побывать с мужем в Берлине. Снега не было, дул резкий принизывающий ветер. Пройдя через Бранденбургские ворота, они вышли к зданию рейхстага.

У ступеней здания образовалась змейка-толпа желающих подняться наверх купола. Толпа продвигалась быстро, пропускали небольшими группами, проверяя всех на наличие железосодержащих предметов. Лифт поднял их на высоту смотровой площадки под куполом, к которому ведет спиральная дорожка, вокруг зеркала и стекла, световой фонарь хрустального купола: ощущение современной архитектуры: идешь и не чувствуешь усталости в ногах. Панорама Берлина: высотные здания, Телевизионная башня на Александерплац... На одном из фронтонов – русская фамилия. Единственная.

Все отреставрировано.

Кто мог подумать, что ей доведется побывать в Берлине, в здании рейхстага! Конечно же, она вспомнила своего деда, Ивана Григорьевича. Не расспросила его в свое время, мала была, не сумела.

...Проявив фотографии, Кристина увидела на одной из них: женщина катит коляску с ребенком на смотровой площадке купола рейхстага.

Весна 45-го в Вене

Со школьных лет я тяготела к слову.

Когда в классе шестом или седьмом учительница предложила вести школьную стенгазету, я вызвалась и написала заметку о встрече-шествии вьетнамской делегации в Бресте, куда мы с сестрой поехали к крестной маме сестры. Так вот, забралась на невысокое дерево, чтобы получше увидеть вьетнамцев: невысокие девушки в широких соломенных шляпах, в розовых и белых платьях. Пока я ерзала на стволе дерева, один, шествующий мимо вьетнамец сказал мне: "Осторожно, товарищ!", чему я была безмерно рада, и эти его слова положила в основу статьи.

Я внимательно впитывала в себя детали жизни взрослых, прислушивалась к тому, что они рассказывали, чтобы впоследствии запечатлеть это на бумаге. Из рассказов мамы я знала, что тетя Лида замужем за поляком, Яном, что он несколько младше тети и характер у него непростой, самолюбивый, что ей нелегко приходится: порой они ссорятся, но все покрывает и гасит большая любовь ее к мужу. Их старший сын пошел характером в отца и, хотя ему уже за тридцать, не женат пока. У младшего совсем другой склад характера, более уживчивый, открытый, он уже отслужил в армии и намеревается приехать к нам в гости. Однажды и приехал. Мы нашли в нем хорошего и отзывчивого друга.

...После войны тетя Лида работала медсестрой в больнице, где и познакомилась с молодым человеком, у которого начался туберкулез легких. Тогда молодая девушка, она приносила ему мед, ухаживала за ним и – выходила: болезнь отступила. Вскоре они поженились. А еще я знала, что в конце войны, находясь в лагере для интернированных в Вене, Ян познакомился с немецкой девушкой по имени Мария. Они несколько раз встречались, понравились друг другу и договорились переписываться. Поскольку своего будущего адреса Ян тогда не знал, как не знал того, как решится, сложится его судьба, Мария дала свой адрес, впоследствии он написал ей, она ответила и началась

переписка. Ян показал эти письма Лидии. Сначала они их хранили, но потом решили сжечь, ведь в то нелегкое послевоенное время было небезопасно иметь связи с заграницей, за это не жаловали.

И вот однажды (мы с сестрой уже учились в институте) тетя Лида и дядя Ян приехали к нам в гости. Тетя - ухоженная женщина лет шестидесяти, с тонким ухоженным лицом, смуглая, с коротенькой стрижкой. Дядя – полноватый, с животиком, белолицый, с серо-голубыми глазами и пепельными волосами.

Конечно, мне хотелось узнать поподробнее историю его встречи с Марией.

В один вечер дядя зашел к нашу с сестрой комнату и мы попросили его рассказать о себе.

Дядя Ян был немногословен, а нам не хотелось быть навязчивыми, тем более мы знали о том, что у дяди большое сердце: немало пережил за свою жизнь.

Он рассказал, что весной 45-го ему было чуть больше двадцати, что его волосы были длинными, вьющимися, а глаза - ярко-голубыми.

Победу он встретил в лагере для интернированных в Австрии, в Вене.

- А чем вы там занимались, в лагере?

- Кто чем. Кто-то мастерил фигурки из дерева, выменивая потом на сигареты, кто-то читал, кто-то просто сидел без дела. В лагере постоянно, бессчетное число раз крутили «Тарзана», черно-белый немой фильм, который приходили смотреть и приходили девушки. Одна из них особенно понравилась мне, но она приглянулась многим.

- Фильм показывали под открытым небом или в зале? – поинтересовалась я

- В кинозале. Там я впервые и увидел Марию.

Дядя помолчал, вспоминая, потом продолжил рассказ.

- Мне и в голову не приходило, что на меня может обратить внимание такая девушка.

- Но почему? У вас ведь были вьющиеся волосы, голубые глаза.

- Я был плохо одет, - ответил дядя. А она из всех выделила меня, это меня тронуло, взволновало. Так мы познакомилась.

Дядя несколько раз повторил, что он был плохо одет. Выходит, это особо тяготило и печалило его, тогда молодого человека.

- А как выглядела Мария? - спросила я.

- Она была молода, на высоких каблуках, - ответил дядя.

- Мария была красивая?

- Все молодые красивые, - улыбнувшись, уклончиво ответил дядя.

«Вероятно, подумала я, - он уже и не помнит отчетливо ее лица, цвета ее платья.

Вероятно, на ней было не такое уж и нарядное, но элегантно платье, возможно, с белым кружевным воротничком, а волосы были аккуратно уложены и скототы невидимками по моде тех лет, вероятно, осталось лишь ощущение женской привлекательности, ощущение молодости и весны, весны 45-го.

- А на каком языке вы говорили? - спросила я.

- Я знал немного по-немецки, а больше объяснялись жестами, - ответил дядя.

- А потом? Что было потом?

- Потом была дорога, товарные поезда, путь через всю Европу – на Украину. Работал на строительстве, потом заболел туберкулезом, попал в госпиталь, остальное вы знаете.

Некоторое время спустя от тети Лиды пришло письмо. Мама, прочитав письмо, изменилась в лице и печально сказала нам, что дядя Ян умер и что тетя Лида очень переживает и не знает, как ей теперь жить дальше одной, без Яна.

Чуть позже я спросила маму, сколько лет было дяде Яну.

" 61 год," - ответила мама.

Конечно, меня волновала и волнует донныне история любви и переписки дяди с немкой, Марией, это казалось да и теперь кажется мне интересным. Вероятно, думала я, он был

очень влюблен, но жизненные обстоятельства побудили, вынудили его жениться на девушке, которая спасла ему жизнь и которая, бесспорно, ему была небезразлична. Возможно, отсюда, предполагала я, были сложности в их с тетей отношениях. Но, думаю я теперь, дело еще и в характере, в тех навыках, которые мы приобретаем: в привычке ежедневного образа мыслей, в привычке того же образа питания. Мысль материальна, знаем мы теперь, и влияет на наше самочувствие, здоровье. Знали это и ранее, но ныне мы это осознали, сегодня об этом написаны и пишутся книги. Конечно, аппетитны были ноябрьские и первомайские столы с голубцами, селедкой под шубой, холодцом, водочкой, но что было на утро?! Не вспоминалось ли все, что надо и не надо, не прокручивалось ли это всякий раз, увеличивая сахар в крови? А ведь так просто: радуйся, живи да люби! И еще я думала о путях любви: вероятно, важна ситуация, пространственная и временная, в которой это чувство может зародиться, собственно рождается, особо затрагивая, цепляя струны души, сердце. Война, все, что с ней связано: судьба одного человека и целых народов, наций, и победа, и лагерь для интернированных, замкнутость пространства, расширяемая лишь художественной лентой кино, и весна, и сирень, и плохое питание, и плохая одежда и вдруг - явление женственности, молодости, красоты - девушка.

Она пришла, на высоких каблучках, Мария, с речью немецкой, и полонила его сердце, быть может, надолго, быть может, ее образ сопровождал его в нелегкие минуты труда, болезни. Но если бы не добрый ангел-спаситель, и он это понимал, то что бы стало со всеми его воспоминаниями? с ним самим и с его жизнью?

Он любил красоту, мой дядя, поляк. А они, как я знаю, очень любят свою родину. Вероятно, и тоска по родине, по накалу тех чувств, которые были связаны с порой его юности, совпавшей с годами одной из самых жестких мировых войн, которые только знало человечество, - все это занозой сидели в его сердце, сокращая сроки его земной жизни.

Он прожил 61 год – это, по нынешним меркам, немного. Тетя Лида ушла из жизни год спустя после кончины своего мужа.

Уже не узнать подробности истории, которая некогда случилась в жизни дяди, их можно лишь домыслить. Например, представить, как сложилась судьба Марии. Вероятно, она еще жива?..

Первые впечатления

Мое раннее детство прошло на воде. Самые первые впечатления связаны с пространством реки: родители живут и работают на барже, рудовозе. Припоминается огромный деревянный шлюз, на краю которого меня, неправильно одевшую в спешке сандалии, учат отличать лево-право (сено-солома). Стою, опустив голову и думаю, где же наша баржа и какой высокий этот шлюз, и что есть сено и солома?

Первые слова, осевшие в подсознании: дебаркадер, камбуз, бакены, трос, пришвартоваться, стать на якорь.

Дебаркадер. Слово это, особо мне запомнившееся, французское и означает место прихода и отхода поездов по железной дороге, а также пристань. Припоминаются берега рек, отлогие и крутые, с птичьими гнездами на крутых склонах, огни бакенов в полумраке, пришвартовки к пристаням, канаты и тросы (трос – морское, веревка, также переплетения из стали).

Встречи с людьми запоминались: это были дружественные семьи, плававшие на таких же баржах, как и наша. Каждый привносил что-то новое, будь ли то улыбка, веселый

смех или какая-то особая бытовая манера. Помню, как жестяную кружку с горячим чаем опустили в тазик с холодной водой, или разрезали надвое и исполосовали ножом свежий, пахучий огурец, и, присыпав солью, потерли две половинки, – самые первые ощущения.

И потом, уже живя на суше, на постоянном месте, родители продолжали дружить с двумя семьями, с которыми их сроднила жизнь-плавание: они стали нашими крестными родителями и приходили к нам на праздники в гости. Широколицый, с морской аурой сибиряк Анатолий Орлов и его жена Нина, невысокая, приятная женщина.

Хорошо помню веселую добрую тетю Галю, ее озорную, интересную дочку Аллочку, они поселились на жительство в городе Бресте. Магазины на пристанях. Бело-синяя неизменная этикетка на жестяных банках сгущенного молока, рядами стоящих на полках. Мама рассказывала, как однажды они не могли понять, чего же хотелось бы ребенку, сказавшему: «Хочу кабзики». Потом догадались: колбасы. Конечно, хотелось бы и сгущенки...

Помню базар в Мозыре: деревянные домики, прилавки, плюшевые медвежата, которых нам купили, а также цветную сахарную вату - предел недостижимости.

Однажды ночью услышала крик мамы: «Голя, не делай этого!» Насколько я поняла, папа хотел сплавить налево несколько бревен или плот, а мама понимала, насколько это опасно. Вероятно, пронесло.

Детство – пора счастья

Мы жили на улице Черняховского, которая тянулась далеко к вокзалу и была застроена деревянными домами, потемневшими от времени. Через дорогу находился дом культуры, поодаль – кинотеатр, рядом размещались деревянные магазинчики, один из них – с книгами и с канцтоварами - особо запомнился: бархатные красные и синие фотоальбомы, набивные открытки, книги.

Отец и первоначально мама посещали в доме культуры занятия по хоровому пению. Потом стал петь в хоре лишь отец, мамы занималась нашим воспитанием, домашними делами, к тому же она работала с папой на пристани, получая они по 30 - 45 рублей. Однажды отец побывал с хором в Москве на ВДНХ, откуда он привез немало впечатлений, подарков, проспектов и книг. Одна из книжек рассказывала о Третьяковской галерее, на ее обложке была "Царевна -Лебедь" Михаила Врубеля.

Впоследствии мама настояла на том, чтобы отец перестал посещать хор, беспокоясь, чтобы в его жизнь не вошла другая женщина, и папа внял ее просьбам.

Мои родители любили хорошую песню, она была непременным спутником каждого праздничного застолья. Отец, имея красивый, высокий голос, заводил песню, мама подхватывала мотив более низким, мягким голосом.

Мне вспоминаются песни, которые пели мои родители.

«Тот, кто рожден был у моря», «Прощай, любимый город, уходим завтра в море...», «Вот она, милая роща» , И веселые, шуточные песни вспоминаются: «А смерть пришла, меня дома не нашла, а нашла в кабачке, еще рюмочка в руке...».

Хорошо помню лицо отца по окончании песни «Вот она милая роща»: его растроганность, отведенный в сторону взгляд, в котором читалось: вот она жизнь, вот она какова, и ничего с эти не поделаешь.

Сколько мудрости и доброты в этой песне! И как лаконично, емко передано в ней движение времени:

«Только у бывшей девчонки
Есть уже снохи, зятя.»

Окрашенный грустью свет мудрости, свет доброй старой песни.

В нашем доме жила многодетная семья (они были баптисты), имевшая десять человек детей. Мама тепло относилась к этой семье, к тете Поле, так звали мать семейства, советовала ей написать заявление на предоставление многодетной семье льгот. И вскоре им был выделен конь для вспашки огорода. Мы же, детишки-ровесники: Бориска, Люба, Алешка,- вместе проводили время, осваивая окружающее пространство. Ту же, например, мусорку у кинотеатра (чего там только ни было: и тряпичные куклы, и бутылки, которые можно сдать и получить взамен деньги...), но матушка категорически запретила нам делать там находки: «Какой позор: лазить по мусоркам! Если дети пойдут, чтоб вы с ними не ходили, не делайте этого.»

Помню, какой печалью отозвалось в наших сердцах сообщение о том, что Алешка утонул в реке Пине.

Еще в доме жила одинокая женщина, Ольга Антоновна, у нее был сын в Минске, она стала моей крестной мамой. У нее были расстроены нервы, она страдала манией преследования, часто рассказывая, какие испытания ей пришлось перенести в психдиспансере, куда ее направили. Однажды почтальон принесла ей письмо, а Ольги Антоновны не было дома, и я, малышка, пустилась в объяснения, та передала мои слова Ольге Антоновне. Мама ругала меня и сказала, что нельзя говорить все, что знаешь и думаешь. «Но ведь я сказала правду, - думала я, впервые поняв, что с правдой не так все просто и не всегда ее надо говорить, ведь это может задеть и обидеть человека.

Также следует упомянуть старушку, что жила в нашем доме. Вероятно, ее фамилия была Козловская, ибо папа называл ее шутливо: бабушка Козека. Она жила одна и любила побеседовать, пообщаться, но, вероятно, была не лишена излишнего любопытства. Однажды папа сидел на маленькой скамеечке во дворе, он натер на терке хрен и принялся тереть свеклу, соком которой закрашивал хрен. Тут открылась дверь и во двор вышла бабушка Козека.

- Что это вы делаете, Анатолий Иванович? – спросила она.

- Делаю хрен, - ответил папа.

- А что это такое? – полюбопытствовала она.

- Могу дать попробовать, если желаете.

Папа щедро зачерпнул ложкой натертый хрен и дал ей попробовать. Она очень скривилась, выплюнув то, что не успела проглотить.

Долго потом, вспоминая этот случай, улыбались.

Помню свою первую настоящую куклу, которой я назвала ее Светлана и дала ей фамилию : Снежко. Это был, вероятно, первый акт творчества. Позже услышала такое же реальное имя.

Поездки в Украину

Мне вспоминаются поездки в Украину: перрон, поезд с зелеными вагонами, высокие ступеньки к ним, на которые нас поднимает мама, переполненные людьми залы ожидания киевского вокзала, резные белые потолки огромных, высоких залов.

Мама идет компостировать билеты в плацкартный вагон («дайте на детство плацкартный билет»), оставив нас присматривать за чемоданами, сам Киев

(останавливались ненадолго у дяди) с широтой его площадей и проспектов, с плавным течением Днепра, с парками, с праздничными салютами.

Станция Новый Буг, где нас оставляли на время у бабушки Марии летом (во дворе ее дома на окраине росли абрикосы, поспевая, они падали на землю, где мы их и подбирали, их аромат был усилен жарой) и зимой (огромные сугробы, кантик на них, ветка калины, стеклянные бутылочки разного цвета и конфигурации), Новый год, Троица, Пасха,- - все это осталось в памяти ярким, волнующим воспоминанием. Реже мы бывали у матери отца. Однажды родители выслали нас вперед и бабушка нас не узнала: Детки, идите гулять... У дома - летняя кухня, навес над столом, свежая картошка, салат с огурцами и помидорами, сдобренный подсолнечным маслом, чесночком.. Бабушка, Татьяна Иосифовна, мастерски делала длинные мятные конфеты, закручивая их с цветную бумагу, с бахромой на концах, а также кругленькие, мягкие цветные конфеты-пуговички, ими она украшала шляпку праздничной пасхи в виде солидного гриба или церковки, покрытой сверху белой глазурью. Рядом с домом – море желто-золотистых подсолнухов на жарком солнце, луг с ромашками, лента реки. И когда на уроке в первом классе Надежда Евстафьевна (невысокая, средних лет женщина с с заколотыми на затылке волосами) показала нам рисунок арбуза и попросила назвать, что это такое, поднялось немало рук, в том числе и моя. Как я была рада, что учительница не спросила меня: я бы сказала: кавун.

Один раз опоздала на несколько минут и хотела, извинившись, зайти в класс, но вместе со мной оказался мальчик, который уговорил меня пропустить урок. Мы о чем-то с ним говорили на заднем дворе школы, но я помню, как долго тянулись для меня те 45 минут, я ощутила, как медленно тянется время, когда оно не наполнено чем-то важным, новым и интересным, впервые ощутила относительность времени. В детстве я часто болела ангиной, и матушка исцеляла меня медом, маслом и кипяченым молоком. Помню впервые услышанное: пеницилин, помню, как однажды мне стало плохо в школе и учительница дала мне яблоко, послав за родителями. Помню запах рыбьего жира, который требовалось пить для укрепления здоровья. И как однажды отец отвел меня, маленькую девочку с опухшим пальцем, в портовую клинику.

Навсегда врезались в память оранжевые настурции на клумбе у больницы, скальпель хирурга... И слова врача, обращенные к медсестре: тампон с мазью Вишневского. И этот запах линимента горчичного цвета.

Но больше вспоминаются светлые, радостные моменты. Отец, посадив нас с сестрой, одну - спереди (на специально вмонтированное седло) и другую - сзади на сидение, возил нас на речку Пину.

Искупавшись, мы загорали, улегшись на одеяле, рассматривая волны на воде, поднимаемые проходящими судами и баржами, на которых теперь была снята рубка и которые толкали катера. Переключив взгляд, можно было любоваться зеленым ковром одуванчиков и незабудок у заводи и не было для нас красивее этих простых цветов. Иногда папа приносил нам желтые кувшинки, белую водяную лилию, из которых мы делали ожерелья. Мы доставали принесенную с собой еду: огурцы, хлеб, реже колбасу, иногда – крошку на щавле. Все это на воздухе было очень вкусным, ароматным и аппетитным. Далекие отзвуки детства.

Приятными были и зимние воспоминания: молодое, красивое лицо отца в фуражке, на нем черная морская шинель с золотистыми якорями пуговиц, ослепительно-белый шарф, он катит нас с сестрой на саночках по хрустящему от мороза снегу, лишь след от полозьев.

Однажды к новогоднему карнавалу в школе мама придумала для меня костюм ночи.

Костюм Ночи

Малышке матушка из марли создала:
сияют на нем звезды и луна -
звезды-фольга ногтем разглажена -
аромат шоколадных конфет хранит:
«Мишка на севере» да «Красный мак»,
серебряный и звездный малахит
память бережно хранит
и этот костюм и первый приз за него:
Ванька-встань-ка – не унывай-ка...

Матушка: пушистые, вьющиеся каштановые волосы, которые она закалывала булавочками-невидимками по моде тех лет; большие нежные глаза, цвета морской волны, добрая улыбка и волшебство ее рук. Например, оладьи, которые она пекла и которые, как ни старайся, не получится повторить,- любви неповторимая аура. Матушка любила хорошую, сюжетную книгу, а также хорошее кино. Тогда были фильмы с грифом: «Детей до 16 лет не допускаются». Если ты был мал, контролер, отрывающий билетки, не пропускал, говоря: "Дети до 16 лет не допускаются"(так и писалось на афише под названием фильма), и чаще это были франко-итальянские фильмы. Матушка, особенно, когда мы были с ней в гостях у ее мамы, рассказывала нам с сестрой сюжеты интересных фильмов, передавая словами красоту актеров, называя их фамилии: Жерар Филипп и Джина Лолобриджида («Фанфан-тюльпан»), София Лорен и Марчелло Мاستроянни («Брак по-итальянски» и «Развод по-итальянски»), из этих фильмов мама, улыбаясь, рассказывала нам некоторые запомнившиеся ей детали, отмечая игру актеров; лишь впоследствии, посмотрев эти фильмы, задумалась: отчего они были дети до 16? Как сейчас помню: лежим мы троим на кровати, у бабушки в гостях, в украинском селе, а она рассказывает нам «Парижские тайны». Так и представляешь себе героя, его играет Жан Марэ, которого бросают в водяное колесо, вращающее мельничные жернова, а он спасается и помогает маленькой девочке...

Когда я прочитала «Три мушкетера» Дюма, мама сказала, что есть продолжение этого романа: «Виконт де Бражелон». 20 лет спустя и 10 лет спустя.

И вот уже родители говорят, что поздно, пора спать, но так хочется дочитать главу до конца.

Кино. Человек-амфибия.

Особенно мы любили фильм, снятый по роману Александра Беляева «Человек-амфибия». Для нас этот фильм был событием: главные роли исполняли Анастасия Вертинская и Владимир Коренев, молодые, пленительные, а сам фильм захватывал красочностью и музыкальностью, нес заряд добра и красоты, вводя в мир фантастики. Мы бегали смотреть этот фильм не раз и не два. В 60 -е годы можно было часто ходить в кино: детский билет стоил 10 копеек, а взрослый на первом-втором ряду - 20 копеек. . Перед фильмом в то время (60-е годы) показывали журнал: "Новости дня", или веселый киножурнал "Фитиль" ("детище" Сергея Михалкова, первый его номер, вышел на экраны страны 4 июня 1962 года).

Позже, уже живя на другой квартире, мы с подругой специально записались в танцевальный кружок железнодорожного дома культуры, и это давало нам возможность смотреть фильмы, правда, с обратной стороны экраны (да и какая разница). Так мы посмотрели «Анжелику и король», «Анжелику, маркизу ангелов». Иногда нам давали кусочки оборванной киноплёнки: Анжелика (Мишель Мерсье) делала перед королем Людовиком реверанс (фр. старинная форма глубокого женского поклона с приседанием – проявление почтительности).

1964 год был годом большого кино: «Гамлет» Козинцева, «Тени забытых предков» Параджанова, «Красная пустыня» Антониони, но мы были тогда еще слишком малы, чтобы это понять и оценить эти шедевры. Гораздо ближе были нам «Черный тюльпан», «Сангам», «Королева Шантеклера» и др.

Мы собирали фотографии актеров и вырезки из журналов "Советское кино", Экран. Одно время я даже хотела стать кинорежиссером, но была для этого слишком робка, однако мое увлечение способствовало развитию зрительной памяти и встрече с интересными людьми.

За тоску отсчета взяла для себя имена Федерико Феллини и Ларису Шепитько. Следила за их творчеством.

Однажды, увидев в одном из кинотеатров Ленинграда женщину, похожую на Стефанию Станюту, я подошла к ней и спросила: «Извините, пожалуйста, не Вы ли играли в кинофильме «Прощание с Матерой»?» Замечательная актриса, она закрыла глаза и медленно опустила голову. Потом мы с ней некоторое время переписывались. И уже впоследствии, участь в институте и благодаря нашему учителю, мы открыли для себя мир Андрея Тарковского.

Нужно сказать, что мое увлечение кино аукнулось еще и следующим образом: мой сын, оставив факультет иностранных языков, утаив свои намерения: явно мы стали бы отговаривать его от подобного намерения и шага, поступил в институт театрального искусства. Ныне он заканчивает учебу в группа известного режиссера Романа Виктюка. Дай-то Бог, как говорится.

Белое озеро

Несколько раз по профсоюзной путевке с работы отца ездили с сестрой в пионерский лагерь отдыха за город, на Белое озеро. Почему оно так называлось? Может быть, за красоту. Рано утром озеро было в туманной дымке, которая быстро рассеивалась, открывая тихую мягкую красоту озера. Поговаривали, что когда-то на его месте была деревня, которая однажды ушла под воду...

Запах сосны, прелой листвы, запах леса, черничник. Утренние и вечерние линейки с поднятием флага пионерского лагеря, на подъем которого вызывали лучших пионеров, сделавших что-то хорошее, значимое для всех отдыхающих. Столовая с неизменным первым, вторым и третьим. В распорядке дня было много свободного времени. Иногда привозили и крутили старые черно-белые фильмы.

Помню, как в беседке у Белого озера читала «Госпожу Бовари» Флобера. В других переводах писалось: «Мадам Бовари», но мне больше нравился перевод, прочитанный в детстве – Госпожа. Главное понимала: написано о любви, и написано хорошо. Лишь впоследствии, перечитав роман, смогла оценить художественные особенности стиля Флобера, его замечательные сравнения.

Нравились мне романы Стендаля, его романтические герои, преисполненные страстей... Из русской классики больше всех любила Ивана Тургенева: за тонкое описание чувств, за романтические образы девушек, а также за интересные, содержательные диалоги героев. Все прочитанное создавало некий романтический настрой мыслей в ожидании будущего, в ожидании любви, расширяло жизненное и

временное пространство. И чего греха таить: в детстве и юности мне были интересны начитанные люди, мерка такая была, юношеский максимализм: я не могла влюбиться в неначитанного молодого человека. Из поэтов особенно выделяла Сергея Есенина. Его искренние, лирические стихи, полные любви к женщине, к родине и ее природе переписывала в городском читальном зале в тетрабочку... «Как жену чужую, обнимал березку». Представляете, как сильно любил... Уже учась в институте, взяла темой курсовой работы «Сравнение в лирике Сергея Есенина». Впоследствии, совершая путешествие по Волге и будучи проездом в Москве в 1988 году, мы посетили Ваганьковское кладбище, где похоронен Сергей Есенин. Рядом с ним похоронена Галина Бениславская, застрелившаяся на его могиле...

Могилу Высоцкого искать не пришлось: его похоронили прямо у входа, видимо, опасаясь за толпы поклонников, которые непременно придут на могилу. Мужчина, вероятно, поклонник поэта, находившийся у его могилы, рассказал нам, что в могилу с прахом Высоцкого положили магнитофон с двухсторонними записями его песен. И его охрипший баритон звучал из-под земли, как сквозь слой воды в Атлантике мерцало несколько мгновений фантазмагорическое сияние расколотого надвое «Титаника» апрельской ночью 1912 года.

Новая квартира

Отец стоял в очереди несколько лет за получением квартиры. И вот наступил радостный, счастливый для всей семьи момент: мы получили двухкомнатную благоустроенную квартиру около парка и реки.

Четырехэтажный дом с двумя подъездами. Нас, детей, собиралась немалая компания: в соседнем подъезде жила семья армян, в которой росли Гоар (мы звали ее Гоара) и Валера. В нашем подъезде жили два мальчика, у одного из них, его звали Саша, были голубые глаза. Этот мальчик и стал моей первой симпатией, но вида я, конечно, не подавала, скорее наоборот. Психология детства. Мне было тогда 9 – 10 лет. Когда Саша выходил во двор, мне становилось радостнее на душе и все приобретало больший смысл. И когда родился наш младший брат, мы, конечно, единодушно назвали его Сашей. Помню, фильм еще был такой, не цветной: «Саша».

Мы собирались вместе, играли в казаков-разбойников, в дочки-матери, в калим-баба, пели свои любимые песни, наполненные светом и оптимизмом: «По переулкам бродит лето, солнце льется прямо с крыш, в потоке солнечного света у киоска ты стоишь...», «Жил да был за углом черный кот...», «В чарах звездного напева обомлели тополя, знаю, ждешь ты, королева, молодого короля...».

Более тесная дружба связывала нас с Тamarой, которая жила с родителями этажом ниже. Милая девочка, в очочках, она обладала удивительным даром доброжелательности.

...У нее в руках что-то неизвестное, она дотрагивается до моей руки: "Угадай, что это" - спрашивает она меня". - " Не знаю,- отвечаю я,- колющийся шарик? каштан?" - А хочешь, я спою тебе песенку?" - Да, киваю я головой. И девочка, голос ее мягок и приятен, поет:

"Сиреневый туман над нами проплывает, и в тамбуре горит прощальная звезда, кондуктор не спешит, кондуктор понимает, что с девушкой я прощаюсь навсегда..."

И хотя Тома училась в другой школе и на класс выше меня, и у нее были свои подружки-одноклассницы, мы с ней подружились. Интересы и увлечения ее подруг расширяли наш кругозор. Например, мы собирали фотографии, вырезки актеров из журналов. Друзья из Польши присылали нам фото и вырезки из журналов любимившегося нам фильма «Четыре танкиста и собака» с Даниэлем Ольбрыхским и Полой Раксой. Нашим любимым фильмом был «Человек-амфибия» с Анастасией Вертинской и Владимиром

Корневым, который мы могли смотреть бесчисленное число раз.

Отец Тамары, дядя Степан, ветеран Отечественной войны, инвалид, болен туберкулезом. Ему, двадцатилетнему молодому человеку, после ранения ампутировали ногу и с той поры он ходил на костылях. В госпитале он и познакомился с девушкой Дашей, своей будущей женой, мамой моей подруги. Тетя Даша, маленького, по сравнению с мужем, роста, удивительно трудолюбивая, она убирала в гидротехникуме, летом часто ходила в лес. Вместе с моим отцом они разбили несколько грядок около нашего дома (в основном в доме жили учителя Пинского гидромелиоративного техникума), чтобы посадить зелень. Потом к ним присоединились и другие жильцы дома.

Впоследствии родителям Тамары предлагали новую квартиру, улучшенной планировки на окраине города. Тамара написала письмо в Москву Л.И. Брежневу, чтобы инвалиду, которому нелегко передвигаться на костылях, дали квартиру в центре города. Их пожелания были учтены, она получили квартиру в самом центре Пинска. Соседями Тамары стала одна из еврейских семей.

Тамара дружила с этой семьей, а также со своей коллегой по врачебной практике, еврейкой. После Чернобыльской катастрофы евреи стали покидать Пинск, уезжая в Израиль. Друзья Тамары, уехавшие в Израиль, неоднократно приглашали ее в гости. И однажды она с мужем побывали в Израиле, у своих друзей, навестили святые места этого города.

Особо Тамаре понравилась планировка современных домов, объединенных террасами и детскими площадками. Доброжелательность, способность к дружбе способны открывать мир.

Дружбу с Тамарой мы не прерывали, навещая друг друга. Поддерживаем связь и теперь, став взрослыми. Из каких бы краев и стран я ни приезжала, Тамара всегда радушно и гостеприимно встречает меня. Дружба на всю жизнь.

Однажды мы встретились семьями в Крыму. Теплоход «Адмирал Нахимов», на борту которого мы находились, подплывал к Ялте. Стоя на боковой палубе, издали, я увидела Тамару, она махала мне рукой и рука ее была подобна крылу чайки, парящей над морем.

Мы вместе, Тома была нашим гидом, она не в первый раз в Ялте, посетили Ласточкино гнездо, любовались морем, скалой Парус, где некогда снимался наш любимый фильм «Человек-амфибия», навестили винный погребок с дегустационным залом, погуляли, беседуя и вспоминая, по набережной Ялты.

Мне запомнились слова моей подруги, которые она сказала тогда: «А счастье в этом и есть: ты мне помахала рукой, а я тебе». Счастье, на мой взгляд, – это дружба, выверенная временем, расстояниями; а если еще можешь дать свое определение счастья, то это очень большое счастье.

У нашего соседа, Николая Шаевича умерла жена, Роза, страдавшая астмой. И время спустя он нашел женщину для жизни, Анну, которая и хотела поменять свою квартиру с приусадебным огородом на окраине на благоустроенную, рядом с ним. Родители подумали-подумали (меньшая плата за жилье, огород, -словом, подспорье) и согласились на обмен. Вдобавок. Анна, по общей договоренности, доплатила небольшую сумму за обмен квартиры.

Конечно, нам с сестрой было жаль расставаться с прежней квартирой, друзьями, но мы понимали, что так будет легче нашим родителям. И мы переселились в другой район, на улицу Песчаную, по соседству – Весёлая, Садовая, Добрая, Кузнечная.

Вижу: посреди лужи в цветном платице стоит, улыбаясь, девочка, поджав, как аист, одну ногу, вероятно, спасается от жары. Знакомимся, девочку зовут Надя. Ее брат, Женя, высок, белокур, голубоглаз. В черном плаще он тонок и красив. Они из неблагополучной семьи: у него пьющий отец, недавно вернувшийся из тюрьмы.

Невысокий, черненький, с тонким лицом паренек, Николай, особо мне понравился, но он был старше нас и мало с нами общался.

Соседский мальчик Витя: у него правильные красивые черты лица, ему недостает лишь мягкости во взгляде, да, по моим тогдашним понятиям, любви к книге. Иногда мы вместе решаем задачки, он учится в параллельном классе. Пытаюсь ему привить любовь к книге, но безуспешно. Потом он женится на изысканной девушке, разведется с ней, снова женится на веселой, общительной хохлушке с ребенком, она уедет от него на свою родину, в Украину.

Витя будет работать на мясокомбинате. И однажды узнаю, что его больше нет, но первым, очень рано, ушел Женя. Два мальчика – Валеры - станут военными. Один из них, очень симпатизировал моей сестре, приносил ей под окно охапки цветов. Сестра, очень симпатичная по внешности, напоминала Елену Проклову. Мое лицо, по мнению нашей бабушки, было похоже на лицо актрисы Веры Холодной.

В новой школе №9 (мы поменяли в связи с переездами три школы, четвертая –средняя школа, в принципе, это было и не плохо: давало возможность новых обретений), куда нас перевели родители, особо мое внимание привлекла –понравилась- невысокая черненькая девочка с карими глазами, Люба. Позже я поняла: в ней была какая-то особая красота, которая бывает, когда красива не только внешность, но и душа. Ее родители, белорусы, работали вместе с моими родителями в порту, на судоремонтном заводе. Мой отец, украинец, подшучивал над белорусами, но по моим наблюдениям, у тех были теплицы с овощами, у поляков – с цветами, которые приносили немалые доходы. Поляки, например, привозили красивые ткани, модную одежду. У нас же теплицы не было.

Люба жила на улице Рябиновой, несколько поодаль от нас, но мы ходили друг к другу в гости, делились своими детскими секретами. Мы были разными по характерам, она была очень тихая, сдержанная, я – эмоциональная, впечатлительная, но, видимо, это и притягивало нас друг к другу. Люба любила зиму, заиндеветые деревья и окна, синеву зимнего неба. «Каждая снежинка имеет свой рисунок, свой узор, не успеешь рассмотреть этот рисунок, как снежинка растаяла. А жизнь. Это такая метель. А люди – снежинки,» - писала Люба в одном из своих писем ко мне. Меня же в ту пору вдохновляла осень с ее многоцветьем листвы.

Моя подруга нравилась юноше из параллельного класса средней школы, куда мы перешли, закончив восемь классов. Михаил, так его звали, был очень талантлив, писал стихи и публиковался в местной газете. Это давало ему возможность встреч с поэтами и журналистами города, «становление от общения», как он говорил.

Мы же были робки и показывали стихи лишь друг другу, иногда – Михаилу. Лишь позже, уже учась в институте и приехав летом на каникулы домой, показала свои произведения местному поэту, который сказал мне, что мои стихи лучше бы смотрелись в альманахе, чем в газете.

Михаил любил Чехова, и как его любимый писатель, хотел стать врачом, решив, что писать он сможет и без специального образования. Мама Михаила ревностно относилась к увлечению сына Любой, видимо, опасаясь за учебу сына или считая ее слишком красивой для сына. И он предпочел литературе – медицину, а моей подруге – свою однокурсницу.

Люба закончила учетно-кредитный техникум в Минске и вернулась работать в родной город. Мы же с сестрой поехали учиться в Латвию, в Даугавпилс, да так и остались жить и работать в Латвии.

Люба вышла замуж, родила сына. И хотя врачи, советовали ей больше не рожать, учитывая минус резус-фактор ее крови, она рискнула родить девочку. Ребенку сделали переливание крови, все обошлось.

Мне запомнилась последняя встреча с Любой, несколько лет назад. Случайно

встретились, мы так и не расставались в тот день, отправившись к ней домой. Люба рассказала, что муж временно не работает, что вместе с матерью выращивали помидоры и огурцы, а скопив необходимую сумму денег, купили домик на колесах. И Люда, начала заниматься торговлей, наняла продавщицу, им та торгует колбасными изделиями. Моя подруга-тихоня стала предприимчивой, деловой женщиной! Подключила к своему делу и мужа. Вскоре он, инженер-мелиоратор, нашел работу по специальности.

Люба делилась со мной своими мечтами – ей бы хотелось помогать людям, брошенным животным. Я обратила внимание на комнатные растения, которые любит моя подруга. Среди них необычные кактусы. И кактусы, и каланхоэ (у меня не цвел) у нее хорошо цветут. Подумалось, что у моей подруги особая энергетика, которую цветы, несомненно, чувствуют. Спокойная энергия любви.

Ныне, когда я живу вдали от Беларуси, от моего отца, Люба оказалась незаменимым человеком... Помогать другим нужно уметь, не такое это простое дело, оказывается... И таким умением и тактом обладает моя подруга.

Хочется упомянуть и лучшую подругу моей сестры, Люду. Натуральная блондинка с красивыми чертами лица, маленьким носиком, в детстве она была озорная, с лукавинкой и задоринкой. Помню, ее мама заплетала красивые золотые косички в баранки на ушках, вплетая изумрудную или другие ленты. Люда, ребенок, не стеснялась задавать вопросы, порой наивные, но важные для нее: "Тётенька, дяденька,- живо, с задоринкой, обращалась она, порой к незнакомым, и ей непременно отвечали. Это детское воспоминание о Люде как-то помогло мне не постесняться, решиться и задать взрослый вопрос и, благодаря ему, к радости своей, в скором времени обрести искомое: работу здесь, где не так просто ее найти.

...Настоящая дружба – это способность к сопереживанию, это дар судьбы. Ты получаешь возможность соприкосновения своей жизни с жизнью симпатичного тебе человека, которому можешь доверить самое сокровенное, ты можешь на протяжении всей жизни следить за становлением, судьбой своего друга, подруги. И это всегда радость, счастье встречи.» Ты мне помахала рукой, а я тебе».

Школа

Что в ней, в школе, главное?
Парты? Учебники? новые знания?
Твои друзья? Учителя?
Учителя! Их жесты, слова.
– Не знаешь, как писать здесь - пиши тут,-
говорил нам учитель математики,
Яков Степанович Дятлов, сибиряк, участник войны,
наш классный,
подразумевая процент успеваемости.
А еще шутивное:
– Когда два пола трут третий?
– Сдаемся!
– Когда двое танцуют.
...Сначала в школе были парты, потом - столы,
сначала был наш класс,
впоследствии кабинетная система ,
кочевые времена.
Сначала пора детства была,
золотые времена.

Аннушка

С Аннушкой мы учились в одном классе. Мы знали, что она живет с отцом и мачехой (ее мама тяжело болела и умерла, когда Аннушка была еще совсем мала)) на соседней улице и что они баптисты. Аннушка частенько приходила к нам в гости, рассказывая нам освоенных переживаний и впечатлений, о вечерах молодежи, проводимых в среде верующих. Сама Аннушка мало вписывалась в рамки учения баптистов, скорее внешне приспособившись к их строгим нравам, запрещающим смотреть телевизор, ходить на танцы... А ведь хотелось потанцевать, тем более Аннушке. Она приносила с собой нарядные одежды, бижутерию, переодевалась и - шла в клуб на танцы. Милая моя подруга, жизнерадостная, любящая любовь... Бывало, готовимся к экзаменам, начинаешь ей объяснять про углы и треугольники, а она вроде слушает, а в голове совсем другое, - заводит речь о другом. Она рассказывала о своей поездке родственникам на Украину, в Донбасс, про парня, с которым дружила. Он работал в шахте, и на его ресницах оседала угольная пыль - глаза казалось подведены карандашом.

У самой Ани были глаза были чайного цвета, веселые, добрые глаза. Легкая припухлость век, маленький точеный носик, красиво очерченные полные губы. Склонность к полноте. Но самое главное в ее портрете - веселый нрав. Она любила петь, и хорошо пела, подыгрывая себе на гитаре. Сама она писала стихи, все больше про любовь. Помнится, как пела она есенинское:

...Знаю, выйдешь во поле за кольцо дорог,
Сядем в копны свежие под соседний стог.
Зацелую допьяна, изумну, как цвет,
Пьяному от радости пересуду нет.
Ты сама под ласками сбросишь шелк фаты,
Унесу тебя я пьяную до утра в кусты.

Тут мы улыбались, эти слова волновали нас...

Аннушка делилась с нами своими впечатлениями, опытом взрослой жизни. Мы с волнением слушали ее, приобретая своеобразный опыт... Заведу говорит, будильник, чтобы муж не успел сделать утром то, что желательно для нее перед сном... Потом, уже приобретя опыт взрослой жизни, смогла понять этот ее будильник...

Милая моя подруга, жизнерадостная, любящая любовь... Своим примером она подтверждала наши догадки, предчувствия и ожидание какой-то другой жизни и любви. Конечно, мы были романтиками, но она и предусматривает дорогу, духовную эволюцию.

Приезжая в Пинск я иногда встречала Аню. Обменивались какими-то впечатлениями и - разбегались. Аня рано вышла замуж, впоследствии рассталась с мужем, вышла замуж второй раз. Она получила новую благоустроенную квартиру в центре города. Однажды (это было уже после взрыва в Чернобыле) я узнала, что Аня больна, что она находится в онкобольнице в Боровлянах... В другой свой приезд в Пинск мне рассказали, что Аня умерла. В это трудно было поверить.

Сразу после Чернобыльской катастрофы в реке Пине было запрещено купаться некоторое время. Реку Пину, соединенную с Припятью, чистили... Потом запрет на купание сняли. Несколько лет спустя особо жарким летом, окунулась разок в Пине, явственно ощутив, что дважды войти в одну реку нельзя. Она поменяла свой цвет, став желтой... Река детства... воды твои, ставшие своеобразным зеркалом пережитой

трагедии, замутнены. Но нескончаема река жизни, вечны воды ее, и человек получает жизнь лишь на время, и отдает ее навсегда...

Роса так быстро исчезла,
Ка будто ей делать нечего
В нашем нечистом мире.

Эти строки принадлежат японскому поэту Исса (1763 – 1827. Перевод с японского Веры Марковой.

Прикосновение руки

С утренней почтой пришла бандероль. Стефан Цвейг. 24 часа из жизни женщины. И хотя читала ранее, смутно припоминаю и сюжеты, и само слово, стиль писателя. Начинаю перечитать и дух захватывает – соприкосновение со словом Мастера. Особенно поразило описание женских рук: «Но взгляд его по-прежнему с любопытством блуждал вдоль края стола, на ослепительной белизне которого руки женщин лежат спокойно или не спеша скользят, словно корабли по сверкающей глади залива» (рассказ «В сумерках» сам по себе бесподобен, описание любви-страсти мальчика).

«24 час из жизни женщины» заканчивается описанием женской руки: «Тогда я низко склонился и почтительно поцеловал ее поблекшую, слегка дрожащую, как осенний лист, руку». Да и строится весь рассказ на том переживании, что выпало на долю женщины, умевшей читать язык человеческих рук и увидевшей однажды в казино две руки, каких ей «еще никогда не приходилось видеть: они вцепились друг в друга, точно разъяренные звери, и в неистовой схватке тискали и сжимали друг друга, так что пальцы издавали сухой треск, как при раскалывании ореха».

Мне вспомнилась, как однажды, еще в студенческие годы, я ехала в плацкартном вагоне в поезде Львов - Ленинград. Через проход от меня на второй полке отдыхал молодой человек. Мы разговорились, я уже и не помню, о чем мы долго беседовали, и вдруг (спросил, умею ли я гадать по руке?) наши руки соприкоснулись. Сначала я хотела отдернуть руку, и, вероятно, даже убрала ее, но потом подумала, а что тут такого.

Ощущение игры руками было приятным: так парусники на водной глади скользят, то приближаясь, то отдаляясь друг от друга, от ветра кренясь в самых мыслимых и немыслимых наклонах, ласкаемые теплыми и холодными ветрами. О, юность, о трепетная твоя рука, замирающая и робко желающая, ты отвергаешь жест столь явно говорящий, скользишь в потаенное, так скрипки смычок радостью, надеждой и нежностью поет от прикосновения одного.

Рано утром парень первым вышел на своей остановке, потом стала готовиться к выходу и я. Начав убирать постель, обнаружила пачку сигарет под матрасом... Глядя на нее, я вдруг устыдилась вольности, которую позволила себе...

Юности остановка.

О, сколько поездов и перронов у юности, вокзалов и залов ожиданий, волнений и надежд сколько. И дождь и снег, и весна и осень, и лист клена золотой и первая снежинка любовь обещают. О, юность, о, душа для общения, для любви открытая, во всем любовь ждущая и обещающая.

Черное море

О сталинизме знаю по рассказам и ощущениям отца, а также по книгам и кинофильмам. Когда папа учился в седьмом классе, учительница истории сказала ученикам зачеркнуть в учебнике имя маршала Тухачевского. Видимо, эта деталь особенно болезненно отозвалась в душе подростка. И впоследствии, даже немного выпив, он постоянно возвращался мыслью к несправедливо обвиненным и репрессированным, особой занозой в его сердце был маршал Тухачевский.

... Однажды, вспоминал отец, забрали его отца, дедушку Ивана. Бабушка Татьяна, работала у хозяйки и, убирая комнату, плакала. Женщина поинтересовалась, посочувствовала ... Муж хозяйки, видимо, работал в органах, позвонил, куда надо. И в скором времени дедушку отпустили.

... Один раз мне снился Архипелаг Гулаг в виде абстрактного лабиринта, в котором я искала какого-то человека и так и не смогла найти. А ведь для кого-то это не было абстракцией.

Что касается страха в душах людей, посеянных сталинизмом, то он жив и поныне, не чуждо – отдаленно - этого страха и мое поколение, родившееся уже после смерти диктатора.

Моя подруга рассказывала мне, как работники органов предлагали ей сообщать о семье, с которой она была в хороших, дружеских отношениях. Она отказалась. И навсегда запомнила она тот страх, с каким неслась домой, чтобы стереть черточку с радиоприемника, по которой можно было легко найти нужную волну... Эта моя подруга не пишет мне письма в Германию, ссылаясь на занятость. И я ее понимаю и не обижаюсь. Она в течение нескольких лет читала и редактировала мои статьи. Помню сказала, прочитав заметку: «Плохо!» -«Что плохо?»- спросила я. - «Все плохо.»-«А я думала хорошо»,- засмеялась я. Взяла и переписала все с другого конца.

Или вот хотя бы взять и высказать открыто свое мнение по важному общественному вопросу, скажем в печати... Не каждый сможет сделать это и сегодня. И смогу ли я – вопрос.

«Наше горло отпустит молчание. Наши страхи растают, как дым», - Владимир Высоцкий. Хочется верить, что растают.

... Отец любил Черное море. Любил Одессу, Киев,- города, связанные с его юностью, годами учебы в мореходке. Бывало спешешь помыть его чашку, а он скажет: «Не беспокойся, дочка, все равно все в море будет». Про Ленина говорил так:» Мы и без Ленина знали, что сахар сладкий...».

Недавно на ежегодной проводимой в мае русской ярмарке в Бад Зальцуфлене услышала знакомый мотив:

Тот, кто рожден был у моря,
Тот полюбил навсегда
Белые мачты на рейде,
В дымке морской города,
Свет маяка над волною,
Южных ночей забытьё,
Самое синее в мире
Черное море мое,
Черное море мое!

И вдруг поняла эти, столько раз слышанные в отцовском исполнении слова песни: самое любимое, самое лучшее, хорошо знакомое с детства.

В детстве моя одноклассница Галя, отличница, красивая тоненькая девочка, за которой бегали мальчишки, занималась в балетной студии в Дворце пионеров и школьников. Она в составе балетной группы ездила в пионерский лагерь «Артек» на берегу Черного моря. Рассказывала, что каждый день там проводились интересные мероприятия. Я же увидела Черное море, о котором немало мечтала, лишь годы спустя.

Позже мы с мужем совершили круиз по побережью Черного моря: Ялта –Сочи- Батуми на теплоходе «Адмирал Нахимов» с 28 июня по 5 июля 1985 года.

Нужно ли говорить о том, как год спустя после поездки, переживали мы, узнав о трагедии - о столкновении «Адмирала Нахимова» с сухогрузом «Пётр Васёв»... Ведь это могло произойти и с нами.

«Адмирал Нахимов» - трофейное немецкое судно. Прежнее его название «Адольф Гитлер». Это было большой старый теплоход, множество раз крашенный снаружи. Внутри запомнился большой зал для отдыха с красиво инкрустированными стенами и мебелью. Бассейн на центральной палубе. Однажды утром я нырнула в бассейн, забыв снять часы, подаренные мужем. Они остановились. Чуть позже поняла: это был символ

...

Я живо себе все представила. Путевки и каюты у нас были не первого класса...Кабюта мужа находилась на ярус ниже центра корабля, а моя – почти на самом дне..... Группа туристов из Даугавпилса вернулась домой не в полном составе ... Однажды, стоя на перроне в ожидании поезда, разговорилась на эту тему с пареньком, ожидавшим, как и я, поезда. Он рассказал, что оказался в числе вернувшихся. Не вернулась треть, по его словам. Сам он прошел курс реабилитации от пережитого шока. А в свою квартиру забирался через форточку - ключ затонул. Из газет узнала историю двух подруг их Даугавпилса. Одна из них пошла мыться в душ, закрыв свою подругу в каюте на ключ и взяв его с собой. Когда поняла, что случилось, конечно же, испугалась, но помня о подруге, преодолела свой страх, вернулась, открыла дверь каюты... Обе девушки остались живы.

Особенно мне запомнилась публикация в одном журнале. Мать сделала все, пройдя через все этапы поисков затонувших, чтобы тело ее сына было поднято со дна моря. Ее сын, за которого держалось несколько девушек, видимо, не умевших плавать, потонул вместе с ними. «Как горсть винограда...»

Некоторое время спустя прочитала в газете «Аргументы и факты» о том, что кто-то с кем-то сводил счеты... А капитан катера, столкнувшегося с теплоходом, не отличался высоким профессионализмом в своем деле, деле вождения корабля...

На том же самом месте, где произошла трагедия «Адмирала Нахимова» с другим судном, /в бухте Новороссийска/ в 30-х годах были затоплены монахи Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря/основанного в 1875 году недалеко от Сухуми, рядом с пещерой, где жил, проповедовал и был обезглавлен ученик Иисуса Христа Апостол Симон Кананит/. Вторую партию монахов, 140 человек, привезли в новороссийскую тюрьму. Монахов расстреливали партиями ночью на полосе земли, уходящей в море, которую местные жители называют Косой. Тела убитых затем отвозили к горе Колдун, что в семи километрах от Новороссийска, и там, у подножия горы сбрасывали в яму и засыпали землей. До сих пор точно неизвестно место их захоронения.

Об этом я узнала в «Сокровенных историях» / одна книга из серии «Колокольчики святой Руси»/ Владимира Лермонтова, потомка рода Лермонтовых, рода рыцарей и бардов, мистиков.

Асхат зиганшин

Жизнь отца была связана с морем, рекой, водным транспортом, поэтому с детских лет

в мое сознание вошли слова, фамилии и истории людей, связанных с жизнью моря и реки.

Все, что волновало отца, его сознание рано или поздно вызывало и мой интерес. В памяти сохранилась история, случившаяся с баржей, которую штормом унесло в открытое море и моряки вынуждены были съесть кожаные ремни, имя одного из них - Зиганшин осело памяти.

...17 января 1960 года самоходную баржу. "Т-36", на борту которой находились военнослужащие Асхат Зиганшин, Анатолий Крючковский, Филипп Поплавский и Иван Федоров штормом унесло в Тихий Океан.

Старшим в этой четверке был младший сержант Асхат Зиганшин, родители которого родом из Черемшанского района (с. Старый Утямыш в Татарстане).

Самоходные баржи предназначались для обслуживания пароходов и на самостоятельное плавание рассчитаны не были.. И хотя на барже обязан был бы находиться запас продуктов и радист с рацией, но ни того, ни другого на борту не оказалось.

Правда, буханка хлеба и две банки консервов были.

Да три ведра картошки, пропитанные разлившейся соляжкой.

49 суток неуправляемо дрейфовала баржа в океане...

Съели - а что было делать?- четыре ремня, нарезая их мелкими ломтиками и поджаривая на солидоле, в ход пошли и сапоги ...

...Когда оставался уже последний сапог, береговая охрана американского флота заметила баржу. После некоторых колебаний Асхат Зиганшин, Анатолий Крючковский, Филипп Поплавский и Иван Федоров поднялись на борт авианосца «Кирсадж». Ослабленные, потерявшие в весе по 25 килограмм...

...Мир восторгался и восхищался мужеством этих людей. На родину они вернулись героями, став легендой 60-х годов. Был снят фильм «49 дней».

Прочла в инете: „Ныне Асхат Зиганшин живет в Санкт-Петербурге...»

Александр маринеско

Имя Александра Маринеско впервые услышала от отца. Звучная, красивая фамилия засела у меня в памяти, и всякий раз, читая статьи и очерки об этом человеке, обращала на них внимание, вырезала статьи из газет и сохраняла их.

Александр Маринеско родился в Одессе в 1913 году. Его мать была украинкой, а отец – румын: Маринеску. Во время Балканской войны он служил на румынском флоте, за участие в мятеже (в 1893 году он избил офицера) ему грозила смертная казнь, но он бежал из карцера в Констанце, переплыл Дунай и обосновался в Одессе, переделав румынскую фамилию Маринеску на украинский лад.

Это были нелегкие послереволюционные годы, но Александр, впечатлительный, не лишенный выдумки и озорства, рос в окружении многонациональной одесской детворы: русские, украинцы, армяне, евреи, греки, турки, - впитывая впечатления порта, кораблей, подъемных кранов, молотов; обогащая и расцветившая язык и крепким словом, и ругательством, и, конечно, одесской шуткой.

Ловил с мальчишками рыбу, тех же бычков. Факт, пропускал уроки в школе. Однажды он зарабатывал «живым пугалом на огородах». Радость первых заработанных денег,

которые он держал в руках: «лимон» - желтая банкнота достоинством в миллион рублей!

Постепенно жизнь в Одессе нормализовалась, и в порт стали приходить иностранные суда. Небедные пассажиры судов бросали порой в воды монетки, и мальчишки ныряли за ними. Нырял и наш герой, будущий подводник, и мало кому удавалось опередить его...

Суровое детство закалило характер мальчишки, сделало изобретательным, приучило быть находчивым и не теряться в самых неожиданных ситуациях. По решимости, удали и бесстрашию Александр пошел в своего отца.

Покинув школу в 13 лет (по другим версиям в 15) поступил плавать учеником матроса (юнгой) на каботажный (каботаж - судоходство вблизи берегов, вдоль побережья- между портами одного государства) пароход.

В школе юнг ему, как лучшему, сократили срок обучения и без экзаменов перевели в мореходное училище. После окончания учебы был призван на военную службу. Плавал штурманом на подводной лодке Щ-306.

Окончив командные курсы в 1937 году, принял командование подводной лодкой М-96, имеющей 18 человек команды.

К началу войны Маринеско был опытным, авторитетным, и главное – любимым своими подчиненными командиром. Это был прирожденный моряк-подводник, даже сама фамилия Маринеско (итальянское *marine*, латинское *marinus*, – морской, само провидение было на его стороне. Это был моряк, как говорится, от Бога. Он ничего не боялся, ни на море, ни на суше. В море руководствовался своей интуицией и опытом, поступая порой вопреки законам подводной войны и ее логики, в чем была, несомненно, своя логика.

Широкой натуры, этот человек имел и свои слабости: он не был лишен самолюбия и гордости, не пренебрегал выпивкой, водочкой, да и женщинами не пренебрегал. Его прямота и самостоятельность суждений раздражали береговых штабных работников. Они не любили его.

Однажды сын моряка, отец которого плавал под командованием Маринеско на подлодке, прислал мне по эмейлу следующий рассказ из жизни Маринеско.

...В 1944 году, когда подводники Балтики базировались в Финляндии, они получали зарплату в валюте. И Маринеско купил себе шикарный кабриолет. Водить его он не умел, при нем водителем был матрос с его лодки. Командование бригады было недовольно, просто бесилось от этого. И чтобы нагадить Маринеско, ему дали приказ перейти в Кронштадт именно в подводном положении лодки, понимая, что машину придется оставить, бросить.

Когда лодка пришла в Кронштадт – все были удивлены:

на причале стоял тот самый кабриолет. Естественно, лодка совершила переход в надводном положении, а машину просто закрепили на верхней палубе.

Вся команда, как один, подтвердили, что лодка все время шла в подводном положении. Вот так команда любила своего командира. Потом, конечно, Маринеско все припомнили...

Молодой человек написал мне, что после потопления «Густлова» Маринеско не сразу вернулся к месту своей дислокации. Вероятно, испытывал чувства угрызания совести, переживал, - подумала я и написала об этом своему новому знакомому. Нет, возразил мне тот, - он выполнял свой воинский долг и потопил еще одно судно и лишь тогда вернулся в порт.

В 1945 году в финском Турку Маринеско понравилась молодая красивая хозяйка гостиницы. В пустующем гостиничном номере был накрыт стол на шестерых. Естественно, выпили, закусили, запели украинские песни. Маринеско очаровал хозяйку гостиницы – шведку- и остался у нее ночевать.

Под утро постучала горничная, сообщила, что внизу ждет жених хозяйки с цветами.

"Прогони", - сказал он. - "Ты же на мне не женишься?" - " Не женюсь, - сказал Маринеско, - но все равно прогони ". Вскоре в дверь снова постучали, теперь уже офицер с лодки: "Беда, на базе переполох, вас ищут. Уже финским властям заявили...". "Прогони", - сказала она. "Как так - не могу". - "Я ради тебя жениха прогнала. Какие ж вы победители, с бабой переспать боитесь".

И командир сказал офицеру: "Ты меня не видел".

Вернулся вечером.

Прошел слух, что его завербовала вражеская разведка. Маринеско должен был предстать перед военным трибуналом.

Идти в море с другим командиром экипаж отказался.

Комдив Александр Евстафьевич Орел разрешил им выйти в море, пусть там Маринеско искупает свою вину.

21 января 1945 года командующий германским военно-морским флотом гросс-адмирал Карл Дениц отдал приказ о начале операции «Ганнибал». Сотни больших и малых кораблей в конце января- начале февраля осуществляли переброску в Германию двух миллионов беженцев и военнослужащих. Это стало крупнейшей эвакуационной операцией в истории мореплавания. Были задействованы в полном составе бывший флот круизных теплоходов, флагманом которого являлся «Вильгельм Густлов». Теплоход принял на борт 10 582 человека. Среди них были 918 офицеров и матросов подводного флота, 373 женщины-военнослужащие из вспомогательной службы Военно-морского флота, 162 раненых военнослужащих вермахта , 173 члена экипажа. И беженцы, главным образом женщины и дети, которых было приказано спасти в первую очередь. «Густлов» должен был идти под охраной эсминца «Лёве».

22 января подводные лодки советского Балтийского флота получили приказ Иосифа Сталина топить все германские корабли, следующие из портов польского Поморья в западном направлении, чтобы посеять в рядах врага панику и рассчитаться за ужасы блокады Ленинграда.

После прорыва блокады и выхода Финляндии из войны советский подводный флот, прежде запертый в Ленинграде и Кронштадте, получил в свое распоряжение порты Хельсинки и Турку.

Именно из гавани Турку (Або) отправилась в поход к Данцигской бухте подлодка «С-13» под командованием капитана 3-го ранга Александра Маринеско.

30 января «Вильгельм Густлов», покинул порт Готенхафен в сопровождении корабля-торпедоносца. На его мостике находились одновременно четыре капитана, четыре командира, поскольку штатный капитан «Густлова» Фридрих Петерсен (63), не надеясь на собственные силы, попросил себе в помощь двух молодых мореходов, Колера и Шмидта, а военное командование кораблем было поручено опытному подводнику, корветтен-капитану (капитан 3-го ранга) Вильгельму Цану. Таким образом, на борту не было единоначалия и сразу же среди капитанов разгорелся спор. Цан, знавший об опасности атак советских подлодок больше, чем остальные, предлагал идти так называемым «противолодочным зигзагом» с максимальной скоростью в 16 узлов, в таком случае более тихходные лодки не смогут их догнать. «12 узлов, не больше!» - возразил Петерсен, напомнив о ненадежном сварном шве в бортовой обшивке, и настоял на своем.

«Густов» шел коридором в минных полях. В 19 часов поступила радиограмма: на встречном курсе находится соединение тральщиков. Капитаны дали команду включить, во избежание столкновения, опознавательные огни. Корветтен-капитан Цан умолял не делать этого, но его вновь не послушали.

...В 19-30 капитаны подали приказ выключить огни, но было уже слишком поздно...

Между тем С-13, безуспешно пробороздив воды предписанного маршрута патрулирования, направилась к Данцингской бухте, туда, где подсказывала Маринеско интуиция, должен быть враг. Около 19 часов лодка всплыла, как раз в это время на «Густлове» зажглись огни. В первые секунды вахтенный офицер не поверил своим глазам: вдали светился силуэт гигантского судна. На мостике появился Маринеско в своем неизменном овчинном полушубке. Он тоже удивился тому, что противник не идет зигзагом и охраняется лишь одним кораблем сопровождения. Воспользовавшись столь благоприятной ситуацией, лодка погрузилась на перископную глубину, сблизилась с «Густловым» на 700 метров и дала первый торпедный залп. Всего было подготовлено четыре торпедных аппарата. На каждой из торпед перед началом похода старшина второй статьи Пихур сделал надпись белой краской. Торпеды с надписями «За Родину», «За советский народ» и «За Ленинград» поразили цель, а четвертая, с надписью «За Сталина», застряла в трубе торпедного аппарата, создав реальную угрозу лодке. Но один из мотористов быстро обезвредил торпеду, и «С-13» ушла из зоны атаки.

Сохранились свидетельства немногих выживших о том, что происходило в те минуты на борту «Густлова». Торпеда «За советский народ» разнесла борт в той секции, где когда-то был плавательный бассейн, а в тот момент располагалась импровизированная казарма, в которой находились 373 женщины из вспомогательных служб ВМФ. Вторая торпеда повредила ходовую часть корабля, третья пробил корпус ниже ватерлинии, после чего корабль продержался на поверхности лишь 70 минут.

Охваченные паникой, вооруженные пассажиры пробивали себе путь к спасению. Десятки спасательных шлюпок и плотов, облепленных людьми, переворачивались, и люди гибли в ледяной воде. Экипажи эскортирующего «Густлова» «Лёве», а также подоспевшие к месту катастрофы пароходов «Гёттинген» и «Гётенланд», тральщиков «М-341», «М-375» и «М387», миноносцев «Т-36» и «ТФ-19» с ужасом наблюдали: неожиданно при погружении корабля включилось вышедшее из строя при взрыве полное освещение и мощные сирены. Яркая иллюминация, вой сирен, разверзшийся ад...

Спасатели подобрали 1275 человек, 36 из которых умерли от переохлаждения уже в корабельных лазаретах, 9343 - погибли.

В ледяной воде погибли 3000 детей.

Впоследствии еще одной жертвой трагедии стал самый молодой из капитанов – Колер. Не перенеся угрызений совести (все капитаны спаслись), он покончил с собой

Подводная лодка С-13 продолжала патрулирование и 10 февраля двумя торпедами потопила большое судно, по сообщению Маринеско – крейсер «Эмден». Скоро выяснилось: уничтожено лазаретное судно «Генерал Штойбен».

Ничто не могло поколебать убеждения Маринеско в том, что он потопил два вражеских боевых корабля общим водоизмещением около 40 000 тонн и уничтожил 10 000 фашистов. Он не сомневался, что станет семнадцатым по счету командиром подводной лодки, имеющим звание Героя Советского Союза. Получил же он за потопление «Густова» орден Красного Знамени.

Ни в одном официальном сообщении он не нашел даже простого упоминания о подвиге С13. Непризнание, замалчивание боевого успеха нанесло Маринеско сильнейший удар, от которого он не оправился до конца жизни. Закончилась война. Те грехи, которые прощали боевому командиру-подлоднику, теперь не прощали. После одной из пьянок он был разжалован в старшие лейтенанты и уволен в запас. Работал на складе строительного комбината в Ленинграде, был обвинен директором в хищении (привез людям топливо) и получил трехлетний тюремный срок. После освобождения боролся за реабилитацию, в чем ему помогли друзья. В 1960 году Маринеско восстановили в воинском звании с правом на соответствующую пенсию. Через три года он умер от рака.

...Через 45 лет после окончания войны в 1990 году Маринеско присвоили звание Героя Советского Союза.

Думается, что Александр Иванович Маринеско был светлым человеком, об этом говорят строки его писем, адресованные жене Валентине Ивановне Громовой: "Здравствуй, дорогая Валюша! К нам для проверки заглянуло начальство и, узнав, что я пишу письма не через п/я 261/191, забрало все твои письма, которые я хранил, и наказало меня, сняв с бригадиров и переведя в грузчики. До свидания, счастье мое невидимое! 29/1-1951 год" "Здравствуй, дорогая, милая и самая близкая из всего существующего в мире, Валюша! Из моей шинели получилась очень хорошая "москвичка".

Хронист «Густлова» Хайнц Шен в 1991 году разыскал последнего оставшегося в живых из 47 человек команды С13, 77-летнего бывшего торпедиста В. Курочкина, и дважды побывал у него в деревне под Ленинградом. Общась с помощью переводчика, два старых моряка поведали друг другу, что происходило в тот памятный день 30-го января. Во время второго визита Курочкин признался немецкому гостю, что после их первой встречи почти каждую ночь ему снятся женщины и дети, с криками о помощи в ледяной воде. При прощании он сказал: «Плохое это дело – война. Друг в друга стрелять, женщин и детей убивать – что может быть хуже! Научиться бы людям жить без пролития крови...»

Конечно, мне жаль, что на корабле было четыре капитана.

... Инерция мести и войны, когда человек светлой, широкой души оказывается вовлеченным в этот водоворот, а человек, на мой взгляд, темной души, суровой и, идеологизированной, способен проявить такт? скорее самолюбие...

Гордиев узел, гордиев узел войны...

Есть, вероятно, правда момента, историческое конкретное время и есть правда отдаления от произошедшего, с позиций другого времени и поколения, с позиций накопившихся фактов, когда картина произошедшего рассматривается с разных сторон?..

Непростой узел вопросов. Начнем не то чтобы распутывать, куда уж там, но начнем говорить и думать.

Посмотрим мысли великих людей о героях... «Героем человек становится тогда, когда он на краю гибели». В. Швобель. «Несчастлива страна, которая нуждается в героях».

Б.Брехт. И ведь творились мифы, которыми венчали героев, причем, если миф начинал не оправдывать себя, выходить за рамки предусмотренных ему границ, то герой в лучшем случае доживал до 50-ти, творился культ как по одну сторону, так и по вторую, рождая противостояние, источник войн, так творится противостояние и ныне, приобретая иную окраску.

Будь у героев время подумать... Но лишь спустя много времени можно узнать, увидеть подлинную картину происшедшего. Время и лечит, и вырисовывает, и высвечивает, и

предает забвению или памяти, меня ориентиры. Та же осина Иуды, она сегодня имеет ценность, и она – простите - в цене.

«Героев не судят», значит все-таки они есть, эти герои, они нужны в минуты опасности, и они опасны в остальное время, могут быть соперниками.

И есть историческая данность момента, войны, есть приказ, это потом, время спустя мы начинаем по-своему переиначивать происшедшее, вот если бы... Но война – это стремительность, это пуля, «которая в цене», это торпеда, три торпеды..

Бывают ли справедливые войны? «Война – варварство, когда нападают на мирного соседа, но это священный долг, когда защищают родину», писал Мопассан.

И война – это гордиев узел, который завязан, а словами, дипломатией его трудно распутать. Вот Александр Македонский взял да и разрубил, жрецы сразу поняли: дипломатическим путем решать не будет.

Вот и наш Александр стоял на краю: вернется без достигнутого результата – трибунал. «Густлов» был для него символом войны, фашизма, любимого корабля фюрера, да и торпеды были уже подписаны... Был ли мир в душе этого человека? Есть ли мир в наших душах?

Можно многое списать на войну, но сегодня время обратиться к нашей душе, есть ли в ней прощение, сострадание, любовь?

Меня поразила проводившийся на одном из инетовских сайтов конкурс на лучшее стихотворения по фотографии, на которой была изображена церковь Покрова-на-Нерли. Чего только люди не думали, глядя на эту жемчужину Руси. Некоторые ее совсем не видели, у каждого была своя накипь на душе...

Первая любовь

Конечно, город моего детства и юности, Пинск, связан с воспоминаниями о первой любви.

После средней школы, не поступив в Минский пединститут, год работала на фабрике спортивной одежды имени Н.К. Крупской сначала контролером готовой продукции, потом уступила это место знакомой девушке, у которой были проблемы со зрением: косил один глаз, и села за швейную машинку – строчить кантики для спортивных брюк.

Однажды конвейер, на котором мы работали, остановился – временно не было электричества. Я достала взятую с собой «Литературную газету» и начала читать. За это меня наказали, переведя на другой конвейер, где норма была побольше и качество ткани получше. «Газету в рабочее время может читать лишь редактор,»- сказали мне. Но учитывая мою «производительность», меня снова вернули на прежнее место.

Фабрика находилась на набережной Пины – одно из красивейших мест города. Украшает набережную, если смотреть со стороны реки, францисканской иезуитской коллегии, а также старинный польский костел, оштукатуренный и покрашенный в теплые песочные тона. Над Пиной – два моста: старый, ажурный, и новый, современный, без особых украшений.

Помню, стоим мы с подружкой, Клавой- она смешливая, веселая, мы вместе учились в одном классе и работаем вместе – на набережной. Катер рассекает гладь воды, медленно покачиваются бакены, навевая глубинные воспоминания раннего детства. Цветут липы, посаженные вдоль аллей набережной, источая свой изумительный аромат. Клава рассказывает мне, что собирается выйти замуж за морячка, матросика, который служит здесь. Я же держу в руках общую тетрадку, куда старательно, в два цвета записываю события российской истории, ибо твердо решила поступить в институт и учиться дальше. Я беру отпуск за свой счет или даже сразу увольняюсь, настолько уверена, что поступлю. Мы с сестрой, одев джинсы, которые отец купил

нам в порту, и, набив чемодан учебниками, отправляемся в далекую Латвию, в Даугавпилс и – поступаем!

Однажды познакомилась с худеньким, в очках пареньком: Шуриком. Поскольку моросил дождь, он пришел на свидание с зонтиком, из-под спиц которого достал – розу. В другой раз мы отправились с ним на танцы – площадка под открытым небом в клубе железнодорожников. На один из танцев меня пригласил молодой человек, с которым, как я вспомнила (он-то забыл), мы учились в первом классе, потом он перешел в другую школу. Помню теплое прикосновение его рук к моей спине, свою чрезмерную строгость в попытке слегка отстраниться и его недоуменно сказанное: «Не понял». Ощутила его искренность, обратив внимание на его открытое, загорелое лицо. Взглянув же на моего парня, Сергей, так его назовем, сказал, что тот мне не подходит. Мы с Сергеем, почувствовав симпатию друг к другу, притяжение, договорились о встрече. На другой дня мы встретились и пошли на школьный двор. Вечерело, у калитки бокового прохода в школу была натянута проволока. Поскольку на мне было длинное вечернее платье, пошитое для неизвестно, какого торжества, я остановилась в растерянности. И Сережа взял меня на руки и перешагнул через проволоку. Это приятно-радостно отозвалось в душе, запомнилось. Мы сели, даже не на школьной лавочке – на столике. Цвела сирень, издавая божественный аромат. Вступала в права вечерняя прохлада. Сергей нежно обнял меня, его лицо оказалось у моих волос, рядом с моими губами, это было трогательно-нежно, приятно, мы поцеловались. Первый поцелуй. Мы сидим с Сергеем, обнявшись и нет прекраснее этого мгновения. Правда первый поцелуй был не таким, как описывают в книге, вызвал чувственную ассоциацию, но что за беда – научимся, промелькнуло у меня в голове в тот момент.

На следующий день мы снова пришли в школьный двор. «Ну как зайдем, - спросила я. - Как вчера, - ответил Сергей, подхватив меня на руки.

-Давай будем читать стихи, - сказала я.

- Давай! –согласился он.

Взяла в руки медальончик, превратившийся в микрофон, и начала шутя искать сцену.

- Без сцены, - сказал Сергей и усадил меня рядом с собой, также, как и накануне.

Он читал стихи Межелайтиса, Маяковского, я же - Цветаеву, Ахматову,

Рождественского.

Не имея родителей, Сережа не без дальней мысли о своем будущем, учился в военном училище. Мы, учась в разных городах, писали друг другу письма.

" Ты просто не представляешь, с каким нетерпением я ждал твоего письма, - писал он в своем первом письме,- Возможно, это покажется тебе смешным или глупым, но я даже немного боялся, вернее переживал, что из-за какой-нибудь неожиданной случайности ты не напишешь мне. Сейчас все это уже позади. Хотя как сказать."

Отправила ему бандероль с забытым им кулоном, а для балласта положила детскую игрушку, заводную птичку. "Твоя птица стоит сейчас на моем столе и помогает мне писать письмо. Ее монотонное стучание весьма напоминает мой монотонный, размеренный образ жизни, где не существует каких-либо отклонений от заранее поставленного расписания. Почти как заведенные часы, которые одинаково тикают, как сегодня, так и завтра. И ты не в силах, да и не вправе что-либо изменить, сделать что-нибудь по-своему, не так, как тебе велят

"отцы-командиры и предписывает Устав. Ты можешь совершенно ни о чем не думать, а только механически исполнять все то, что тебе велят и будешь считаться самым дисциплинированным воином.

Ты не имеешь права рассуждать над правильностью и целесообразностью того или

иного решения свыше, обсуждать то или иное приказание. Но человек тем и отличается от животных, что он способен думать, размышлять, анализировать, сопоставлять и делать на основе этого какие-либо выводы, заключения. Одним словом, ему единственному на земле дан разум. И вот когда в тебе этот ценнейший дар природы стараются перечеркнуть, заглушить, постоянно "капая" тебе на мозги, ты постепенно грубеешь, утрачиваешь прежнюю остроту ума и мышления. Правда в тебе развивается жестокость, некоторая смекалка, хитрость и изворотливость. Ты начинаешь понимать смысл жизни и то, как легче прожить ее.

Итак, я опять в училище и опять считаю дни до следующего отпуска.

Порою мне кажется, что отпуска и не было, что все было лишь в прекрасном, чарующем сне. И особенно эти несколько последних дней, они пролетели крайне незаметно, но оставили в памяти столько трогательных впечатлений. Не случайно говорят, что человек по-настоящему начинает ценить то, что имел, когда потеряет его и это сущая правда. Я только сейчас с полной остротой шутил, как мне не хватает всего того, что было в отпуске.

Ты знаешь, я написал стихи."

"Сегодня был в наряде и чертовски устал. Пришел в казарму и у себя под подушкой обнаружил два твоих письма. Прочел их - и всю усталость, ка рукой сняло. Хотела ты того или нет, но напросилась на комплимент. Мне очень и очень нравится твой оптимизм.

И вообще мне кажется, что человек никогда не должен унывать или останавливаться на достигнутом. Он, как фотон, существует только в движении, его покой относителен. Если же человек остановился и опустил руки, то он перестает существовать как полноценный член общества, он прозябает, становится паразитом. И от этого начинает гнить сам и отравлять жизнь окружающим. Человек все время должен к чему-то стремиться и не останавливаться на достигнутом, а постоянно совершенствовать себя во всех вопросах. Ведь жизнь не стоит на месте, а постоянно и стремительно движется вперед, так что угнаться за ней порою очень трудно. Трудно не выбиться из колеи, не оказаться на обочине в то время, когда другие идут вперед. А это нелегко: быть впереди, гораздо легче делать все с прохладцей, идти себе на уступки, таким образом идти на сделку со своей совестью, хитрить, выкручиваться. А в конечном итоге человек начинает обманывать не только себя, но и окружающих. Он ищет различные лазейки для более легкой жизни, и, если он не найдет в себе силы покончить раз и навсегда со всеми этими курьёзами, то до конца жизни останется неполноценным человеком. Для того же, чтобы все это не произошло, я думаю, необходимо перед собой поставить конкретную цель и из дня в день кропотливо и настойчиво бороться за ее выполнение. И лавровый венок незаметно сам окажется в твоих руках. Но путь к нему по-прежнему остается тернистым".

Иногда я писала письма Сергею на лекциях, которые были мне скучны: политэкономия, например, включая в письмо слова преподавателя. Сергею понравился этот мой прием, и он описал свой урок политэкономии.

"Встать! Смирно! Товарищ майор, 2-ой взвод 5-ой роты к занятиям по политэкономии приступить готов. Отсутствуют три человека. Дежурный по классу курсант Петров.

- Здравствуйте, товарищи курсанты!

- Здравия желаем, товарищ майор!

- Вольно, садись!

Дежурный дублирует команду: "Вольно, садись!" Все садятся.

Так начинается каждое наше занятие.

- Дежурный, почему первые столы не заняты? Это ваша прямая обязанность.

Пересадите людей
с задних столов.

- Движение капитала, его последовательное превращение из одной формы в другую, с возвращением его к первоначальной форме есть кругооборот капитала. Я уже десять раз повторил подготовительную фразу, а вы не записываете. Почему такая невнимательность? Вы же военный человек. Капитал есть движение, кругооборот, поэтому капитал можно понять как движение, а не как вещь в себе. Так, курсант Иванов, прочитайте определение кругооборота капитала. И записываете? Почему? Кто командир отделения? Товарищ младший сержант, этот курсант из вашего отделения? Разобраться и принять надлежащие меры.

Я вижу: многие привыкли к диктанту. Я ведь и так медленно говорю.

-В трех стадиях кругооборота капитал проходит через сферу производства и сферу обращения, принимая различные функциональные формы. Руками не зажимайте голову, иначе вы зажимаете себе кровеносные сосуды и начинаете спать. Вон, комсомолец со значком на груди уже заснул. Необходимо работать интенсивно, никаких облегчений не должно быть, ведь вы военные люди. Товарищ курсант, чем посторонним вы там занимаетесь?

На этот раз обращение относится ко мне. Я и не заметил, как он подошел к моему столу. Быстро прячу письмо в стол, встаю, представляюсь: курсант Люкс.

Данные строчки, правда, я пишу уже на перемене.

Он: Покажите ваш конспект. Вы записываете только то, что я даю под диктовку.

Подает обратно конспект. Я отвечаю:

- Никак нет. Вы просто не до конца просмотрели. -Повторно брать конспект он не решается. Сажусь на место. Кажется, пронесло. Звенит звонок. Я с облегчением вздыхаю".

Другая, зимняя встреча застала , что говорится врасплох, в смятении и растерянности: произошла сшибка мечтаний и реальности. Надо было пригласить его в дом, согреть горячим чаем или кофе, разговорить. Я же постеснялась нашей скромной обстановки, этой железной кровати и крашеного стола-тумбочки с корабля странствий, хотя не в этом ведь дело, возможно, он был бы рад и этому, и мы посидели бы, поговорили, это бы растопило тонкий ледок - нет, ничего этого не случилось, мы отправились в город, гуляли по заснеженной набережной. Я как назло умничала, оригинальничала и прятала себя.

- Ты смотришь на мир через розовые очки, - сказал Сергей.

- Это, может, на тебя через розовые? - ответила я.

- Что?

- Ничего.

Идем. Холодно. У него такая тонкая, холодная шинель, что я совсем мерзну, представляя, как холодно ему.

-Ты прочла "Семью Тибо" Мартен дю Гара?

-Да, прочла. В библиотеке не было, только в читальном зале. Читала, поздно возвращаясь домой, папа дивился: потеряла ориентир.

Не рассказала Сергею, что особо он был близок мне в те минуты, когда я читала ту же книгу, которой восхищался он , гораздо ближе, чем теперь, когда мы идем рядом с ним по этой заснеженной старинной набережной,- ведь и он ее читал и, возможно, также замирала его душа над теми же страницами. И тем более промолчала я о своем предчувствии того, что нам с ним, как героям романа, суждено расставание и долгая жизненная эволюция.

«Ты что-то скрываешь,» - говорит мой друг. Да что мне было скрывать?! Уж не влюбленность ли в учителя литературы? Так в него и моя лучшая подруга была влюблена, все члены нашего кружка. Нет, это не в счет, это другое.

Лирическое отступление. Первый этюд.

Навстречу мне – ты. Смуглый, загорелый. Тут уж не знаю, кто больше позаботился: природа ли, врач ли, словно сделавший тебе операцию «на солнце» и по рассеянности или от волнения забывший осколочки солнца в тебе (ох, и больно было!). Зато теперь Эти осколочки прижились и тянут тебя к большому светилу – солнцу. Эти осколочки затаились в твоём уме, в твоих глазах, в твоей улыбке, во всех изгибах твоего тела. Весь твой облик, кажется, говорит: «Здравствуй, солнце». Ты весь, как фотон, существуешь только в движении. И вот ты уже рядом. Нестерпимо рядом. Твои губы в преддверии улыбки, они готовы сообщить радостную весть. Легонько поправляешь мои спутавшиеся волосы. «Почему тебя не зовут Марией?» - вдруг спрашиваешь ты. Огоньки тревоги в моих глазах. Кто она, эта Мария, чьим именем ему хотелось бы назвать меня? Возможно, так звали его симпатию или, может быть, мать? Мать, мать, - успокаиваю себя. «А почему Мария?» - срывается с моих губ.- «Ты, ты же святая...»

Литературный кружок (Дневник гимназистки)

9.03. Пропустила лекции и первое в этом году занятие литературного кружка.

Какое-то непонятное мне самой чувство поднимается во мне, когда я думаю о нашем учителе. Тут, с одной стороны, чувство недовольства собой, и страх своего незнания, и желание узнать то, что еще неизвестно, и ограниченность своего по- девичьи сонного ума, а с другой стороны, чувство восхищения, вплоть до восторга и вместе с тем некое-то несогласие с его мнением.

- Ясно? – спросил он на занятии литкружка.

- У нас был физик. Так он тоже спрашивал: ясно? Мы молчали, а он говорил: неясно. Ученые вон сколько,- я не договорила, сама не знаю, почему. Может быть, испугалась собственной дерзости, а может, подумала, что меня не поймут и вышла из аудитории. За мной никто не выходил. Еще не конец занятия,- дошло до меня. А сказать я хотела следующее: «Ну что ж тут удивительного? Ученые открывали этот закон 20 лет, а вы хотите понять все за 20 минут».

Учитель читает нам лекцию о Петрарке, цитирует строки его сонетов к Лауре.

Алина шепчет мне на ухо: «Вот бы мне такого мужа, как Новиков (это фамилия нашего учителя)!» Я киваю головой, улыбнувшись: было бы неплохо. Учитель же, заметив, что мы отвлекаемся, говорит, глядя в окно:

- Вы думаете: мне интересно читать вам лекцию?

И молчал целую минуту. На перемене между лекциями (мы говорили: между парой) мы вышли из аудитории.

Заходя же со звонком на лекцию, мы вели речь о том, о том, что учитель говорит: каждый человек – это мир, вселенная, а сам-то он как к этим вселенным относится. Я не заметила, что учитель шел рядом с нами. Когда же заметила, смутилась. Он же взойдя на кафедру, посмотрел в окно и – улыбнулся каким-то своим мыслям.

Иду по лестнице вверх, учитель спускается вниз. Хочу его обойти, и он хочет меня обойти и на секунду мы сталкиваемся.

На кружке читает «Вакханку» Батюшкова.

В конце занятий спрашивает:

- Поднимите руки, кто читал «Синюю птицу» Метерлинка. Ни одной руки. :

- Мы фильм посмотрим,- сказала я.

- Бредовая идея,- говорит учитель.

Вот ляпнула, думаю, я, огорчившись: ведь я хотела сказать совсем иное: сняли советско-американский фильм по этой пьесе Метерлинка с участием Элизабет Тэйлор и неплохо было бы его посмотреть. Настроение мое испортилось.

У гардероба стоит учитель. Подошла к нему и начала извиняться, мол я считаю так же, как и вы. Это я так сказала. Жестом, сопровождающимся улыбкой глаз и уголков губ, он словно говорит: Все знаю, все понимаю, забудьте об этом.

Он говорит, что гардеробщица куда-то ушла и закрыла гардероб, поищите мол.

Я словно с небес опустилась на землю. Но тут подошла гардеробщица.

11.03.

Для анализа синтаксической системы учитель предложил стихотворение Марины Цветаевой, посвященное Борису Пастернаку.

Читает он выразительно, так, что чувствуются и расстояния, и версты, и мили, разъединяющие родственные души.

-Что бросается в глаза?- спросил учитель. Все что-то отвечали, но он хотел услышать что-то главное. Он отошел к окну, потом подошел ко мне и спросил:

- А вы, что думаете Вы?

Я зачитала строчку:

Расселили нас, как орлов-

Заговорщиков: версты, дали...

Нужно было бы в одну строку написать: орлов-заговорщиков, а у нее разрывается слово. Я не могу подвести под это основу, но здесь есть еще подобные строчки.

- Какие, прочитайте. Я читаю.

- Права была Кристина,- говорит учитель, называя мое имя. - Бросается в глаза необычный характер строфы. Строфа – законченное целое. В классической поэтике строфа заканчивается точкой. Мысль исчерпала себя. Точка. Семантически законченное целое.

Дальше новый поворот темы.

А у Цветаевой строфа заканчивается, а предложение не заканчивается, мысль не закончилась. Дикость. Синтаксическое семантически целое оказалось разорванным.

Революционное нарушение классической поэтики. Дикость синтаксиса.

Классична строфа Ахматовой. Первая строка у нее – одно, вторая – другое.

У Блока каждая строфа – законченная мысль.

Смысл? Велик. Любой текст - конструирование мысли. Это демонстрирует и графика текста.

Разрыв конструирует разъединенность людей, которые обязаны быть вместе.

Мир разорванных единств – мир Цветаевой. Мир разрушенных гармоний.

Что является сплавом, оказывается разорванным. Конструирует трагедию людской разъединенности. Слова разрывает. Семантическое единство разорвано. У Ахматовой все иначе. В каждой строфе все многообразие мира. Все строфы связаны друг с другом, повтором

Единиц.

Пастернак утверждает единство мира.

Ахматова более классична. Симметрия, логика, вещный, предметный мир.

У Цветаевой нарушение логики, асимметрия.

Общее у Цветаевой и Ахматовой в демонстрации идей, антифраз.
Хлебников, Маяковский, Пастернак, Гумилев, Мандельштам, Цветаева и Ахматова
родственны. Люди одной эпохи.

13.03.

Сегодня - лекция о Мольере, о его Дон Жуане: математик, стратег, понимание женской психологии. Чего меньше всего в нем, так это любви.

«Каждый из нас Дон Жуан,» - сказал учитель.

Намекает, учит, - подумала я, - чтобы не воспринимали игру всерьез. Понятно, что всё игра, надо ее принимать. Мне стало смешно от своих мыслей, от всего вздора, что был в душе, меня начал разбирать кашель и смех. Раньше я записывала лекцию учителя и не смотрела на него, теперь же где-то раздобыла время и посмотрела. Он внутренне улыбался. Не сказать, что он красив, даже наоборот: небольшие серые глаза в очках, немолодой, глубокие морщины от носа к губам, видно, что больше питается книгами, чем солнцем, но когда он читает лекцию хорошо поставленным голосом, жонглирует своими любимыми словами: мир, космос, хаос, - он неповторим, в нем чувствуется личность.

"Жизнь – это сцена, а люди актеры," - говорит он. Я внимательно посмотрела на него. Он, так мне показалось, тоже посмотрел на меня и во взгляде можно было прочесть: Вот. Вот видишь, вот понимаешь, актеры.

18.03..

Еще перед занятием кружка я заглянула в теорию литературы, чтобы понять, что же такое метафора.

Метафора не только перенесение свойств живых существ на неодушевленный предмет. Но и вообще перенесение свойств одного предмета на другой. Без метафор просто не может жить стихотворная речь.

Язык поэзии целиком построен на метафорах.

В основы метафоры лежит простое сравнение. Сравнение помогает пояснить свою мысль, оно должно быть образным.

Мало понятное сравнивается с более понятным.

Язык первобытного человека был густо насыщен метафорами: они помогали объяснить непонятное и делали в представлении человека весь мир одушевленным. Из этого чудесного свойства пробуждающегося сознания и родилось то, что впоследствии было названо поэзией.

Наш учитель начал так:

Можно думать, что поэзия, устанавливающая связь человека с окружающим его миром, была едва ли не первым искусством, возникшим на нашей земле.

От писателя в вечности остается только метафора.

Олеша.

Одно из сложных явлений. Через метафору осуществляется закон поэзии. Она позволяет в одно вмещать различное.

Метафора и сравнение. В сравнении три компонента: с чем сравнивают, что и на основе чего. В сравнении есть неизвестное, которое объясняется через известное:

Что происходит в метафоре? Опускается признак, на основе которого производится сравнение. Предмет совмещается с образом. Сокращенное сравнение.

Все это ведет к неисчерпаемости:

Голова круглая, как шар.
Голова твоя – шар.

Исчезает признак и включает всю систему признаков, которые указывают на шар. Всевозможные признаки, система признаков, определяющихся контекстом. Если в сравнении предмет объясняется образом, то в метафоре оба компонента объясняют друг друга. Метафора неисчерпаема, она требует напряженной читательской активности. Метафора – скоропись человеческого духа.
Б. Пастернак.

Все стихотворение Заболоцкого "Гроза" – одна метафора. С одной стороны, природа, с другой – творческая гроза. Явления одного и того же порядка. Метафорические шифры. Это вызывает трудности, требует напряженной работы, приглашение быть соавтором. Если читатель не будет соавтором, мало поймет. Чертополох – образ последней любви. Через грозу происходит объяснение творчества, последняя любовь сопоставляется с Чертополохом, пожаром. Почему? Пожар – горение. Пламя. Полыхание. Стихия. То, что неожиданно возникает, что горит необычайно ярко. Пожар – бедствие, трагедия. Самые разные смыслы этого слова важны, не надо писать, что это стихия, суматоха, то, во что вовлекается не только один, двое, многие, – вот что дает метафора. Не только пожар, но и гармоничное, искусство, метафорические ряды, параллельные, которые будут наслаиваться. Стихия, с одной стороны, искусство – с другой. Искусство – квинтэссенция духовности.

Чем глубже начинаем понимать мир, тем глубже проникаем в это стихотворение. Живописный поэт. Графика. Звуковое начало. Нет ничего, чего бы не включала последняя любовь. Мир во всем многообразии. Образ мироздания. Все, что есть у мироздания, есть у любви. Любовь – это то, что погружает нас в мироздание. Речь строится в ином плане. Отношения. Стена. Решетка. Трагедия разъединенности я.. Стена чертополоха. Любовь – трагедия, то, что не дает человеческой радости. Последняя любовь, которая открыла мир – шип в груди, трагедия. Тютчевская концепция любви. Спросил, прочли ли мы весь цикл. Конечно, прочли.

1.04..

Еще накануне учитель предложил нам для сравнения стихотворения двух поэтов: Семена Надсона "И помню церковь я, залитую огнями" (1883) и

Александра Блока «Девушка пела в церковном хоре» (1905). Невооруженным взглядом видна схожесть тем, взаимовлияние в литературном процессе. И гармоничность, неповторимость блоковского стиха, который учитель и дал нам для анализа ритмической системы стихосложения.

- Ритм рождает текст, - сказал учитель. «Сначала приходит некий гул» , - Маяковский.

Когда я ночью жду её прихода,
Жизнь, кажется, висит на волоске.
Что почести, что юность, что свобода
Пред милой гостьей с дудочкой в руке.
Ахматова.

Многие явления природы повторяются: день - ночь , сменяют друг друга лето, осень, зима весна. Повтор одного и того же компонента рождает ритм. Урегулированный повтор компонентов рождает симметрию повтора. Наше восприятие строится на знакомом и не знакомом, на привычном и неожиданном. Искусство склонно нарушать симметрию повтора, неожиданное вызывает эстетическое переживание.

та та та
та та та ты

острое переживание
Все искусство строится на ожидании та и возникновении ты.

Ритм семантичен. Одна система ритмических компонентов строит дисгармонию, которая демонстрирует трагическую разьединенность людей, говорит о трагическом разорванном единстве, и есть встречный ритмический поток, который строит гармонию, возникает сложный ритм, наслаиваются друг на друга гармония и дисгармония, рождая величайшее единство духа. Отсюда встречные потоки цветаевского ритма.
Культура есть ритм. Ужасное может сниматься ритмом.

В своей речи «О назначении поэта» Блок писал о поэтической речи:
гармония есть согласие мировых сил, порядок – космос, хаос – стихийное. Космос – утроенная гармония. Гармония через звуковую систему.
Блоковская концепция музыки. Музыка является первоосновой культуры.
Культура есть ритм.
У Блока музыкальное мышление. Он слово растворяет в звуке.
Звуковые комплексы, повторы сближают слова, обозначающие далёкие явления. Они содержат одни и те же звуки, звуковые комплексы. Благодаря этому есть единение.
Звуковая метафора. Сближаются отдельные поэтические строчки, возникают особые смысловые ряды.
Поэзия – максимум содержания при минимуме словесного пространства.

Зачет по латыни

Приснилось, что надо сдавать зачет по латинскому языку и я ищу цитаты, чтобы выучить их. А они написаны на карамелях, на «Мишках на севере», - вот и обращаюсь, по сюжету сна, к тем, кто их получил.
Проснувшись, вспомнила нашего учителя латыни, Векслера.
...Знакомится, шутовски по списку фамилий пройдясь... Ну съезжилась слегка, поняла: снимает напряжение, шутит, дает листки с наиболее известными латинскими цитатами.

Помню: не пошла на зачет по латыни, думая лучше подготовиться, подучить. А учитель после собеседования поставил зачет автоматом всем. Искала его потом, а он уехал.

Вывод: надо не бояться, идти вместе со всеми: авось пронесет!

Нашла в инете цитаты на латинском с переводом.

Veni, vidi vici

Пришел, увидел, победил

По свидетельству Плутарха, этой фразой Юлий Цезарь сообщил в письме к своему другу Аминтию о победе в сражении при Зеле в августе 47 года до н. э. над понтийским царем Фарнаком.

Per aspera ad astra

«Через тернии к звездам»; через трудности к высокой цели

Ducunt volentem fata, nolentem trahunt

Желающего идти судьба ведет, нежелающего – влачит

Изречение Клеанфа, переведенное на латинский язык Сенекой.

Esse oportet ut vivas, non vivere ut edas

Надо есть, чтобы жить, а не жить, чтобы есть

Средневековая сентенция, парафразирующая древние изречения Квинтилиана: «Я ем, чтобы жить, а не живу, чтобы есть» и Сократа: «Иные люди живут, чтобы есть, а я ем, чтобы жить».

Nos est vivere bis, vita posse priore frui

Уметь наслаждаться прожитой жизнью – значит жить дважды

Марциал, "Эпиграммы"

Scio me nihil scire

Я знаю, что ничего не знаю

Латинский перевод слов Сократа.

Urbi et orbi

«Городу и миру»; на весь мир, всем и каждому.

Археологическая практика

После первого курса - археологическая практика в Икшкеле.

Крутой берег Даугавы, залитый солнечными лучами, небольшой песчаный пятанок у реки, пронзительно-холодная вода.

На берегу – памятник, впервые высадившемуся здесь епископу Альберту, церковь, прилегающие к ней постройки, вернее то, что от них осталось: контуры бывшего фундамента, отшлифованные лопатками и щеточками археологов. Всему этому предстоит уйти под воду...

Руководит раскопками Янис Альбертович. Он приходит рано утром в брезентовом плаще, белые волосы подчеркивают яркий загар его молодежского лица, и дает задание на день.

Этот человек приобщает нас к труду археологов: мы осторожно работаем лопаточками. Откопала ржавый нож, руководитель поблагодарил меня.

По очереди готовим обед для всей группы на огне костра. В макароны добавляем тушенку - макароны по-флотски.

Янис Альбертович сказал, что начинает раскопки на колосащемся пшеницей поле, где были найдены звенья бронзовых цепочек-нагрудных украшений зелено-изумрудного цвета. Впоследствии мы узнали, что найденное им место раскопок - древний ливский могильник.

Кват

Мы с Алиной вступили в КВАТ (Клуб воинствующих атеистов), членом которого видные, талантливые парни и девушки нашего института, выступавшие со спектаклями, концертами на атеистические темы. Руководит КВАТОМ Лев Остерман (понятно, имя я изменяю), читавший нам лекции по научному атеизму, он не был лишен обаяния, красноречия, а также умения приспособиваться к жизни, к текущей обстановке, впрочем об этом позже.

Также вступление в клуб дает возможность зайти в церковь, в Борисо-Глебский Собор, послушать проповеди и дать отчет об услышанном, а также позволяет знакомиться с Библией, которую имеет клуб, причем ее можно читать в читальном зале, возвращая обратно после прочтения.

Итак, Пасха. Борисо-Глебский Собор. Богато украшен иконостас. В правом нефе, напротив распятия Христа портрет князя - св. Александра Невского, лицо тонкое, божественное, стилизация, думаю. Герои могут стать святыми.

Читаю надписи на картинах: Преподобная княгиня Афросинья, святая царица Александра. Кто они?

Зажигаю свечу, тоненькая такая (пятикопечная, разве может студент позволить себе подороже.) Вдруг – чудное детское личико: глаза в пол-лица. Подмигиваю. Малыш сощурился. Улыбаюсь - он тоже улыбается. Подхожу ближе, спрашиваю: Как тебя зовут? – Рихард, - отвечает. – О, какое серьезное имя, почти королевское.

«Давай позажигаем!» - предлагает малыш зажечь обгоревшие свечи. Зажигаем одну-другую, но тут подходит старушка и говорит, что делать этого не следует. Извиняюсь. Мой знакомый искренне удивляется и убегает к бабушке, но потом возвращается и говорит, что слова священника ему не понятны.

- Пасхальное послание Митрополита всея Руси Пимена...

Архиепископа Рижского (в стихах)

Сейчас проходим «Фауста» Гете. Там как раз действие разворачивается на Пасху, легче будет войти в текст.

31 октября 1977 г.

Борисо-Глебский Собор. Слушаю проповедь.

И пришел сеятель, и бросил семена на разную почву....

Семя – это слово божие. Слово – это огонь, а без огня человек не может жить. Но огонь может и погубить человека. Если мы возьмем в руки нож... Ножом можно убить человека, но ножом мы каждый день режем хлеб. Нож необходим нам. Так и слово, каждое слово имеет свое значение. Слово должно быть добрым. А мы порой употребляем плохие, ругательные слова, но теми же устами мы говорим и хорошие слова. Разве может из одного и того же источника течь разная вода? Вода, текущая из источника, однородная вода. Так и уста ваши должны говорить только добрые слова.

После проповеди ко мне подходит женщина, говорит лестные слова о моей внешности и о том, что только здесь можно услышать такие прекрасные слова. «Живите с Богом!» «В книгах, в читалке тоже можно прочесть», - думаю я, понимая, что женщина не просто подошла, желает привлечь в свои ряды...
Вспомнила некрасовское: Сейте разумное, доброе, вечное.

Проповедь о посте отнесла в КВАТ. Лев Исаакиевич повертел в руках.
- Что это ты написала?
- Написала, что пост - не так уж и плохо для здоровья.
- Пойди перепиши. .

...Меня зовут к телефону (дежурная поднялась за мной на четвертый этаж). Остерман. Велит прийти. Если не придешь - пойду в деканат жаловаться.
Душа ушла в пятки. Что случилось? Отчего вызывает? Прихожу.
- Ты чего на всех углах кричишь, что наука не опровергает религию?
- Я не кричу на всех углах! Я просто повторила ваши слова. Вы же сами сказали: наука не опровергает религию.
- Я сказал : не опровергает сама по себе, но в совокупности с советскими традициями - опровергает.
- От тебя и от твоей подруги можно всего ждать. Я сразу заметил, что у вас не тот уклон,- подвел он итог.
- Я просто знакомилась с Библией. С той же Песнью Песней.
Потом я вспомнила и поняла, что у Остермана была проверка, и мы говорили о том, стоит ли давать награду многодетной матери, если она воспитала детей в религиозном духе, и мы с Алиной были того мнения, что стоит давать награду, ибо она же родила десятерых детей, значит героиня.

Воспоминание о Лудзе

Небольшой латгальский поселок. Середина августа. Жара и тишина. Перекресток дорог, костел песочного цвета с каменной оградой, братское кладбище с памятной стелой, несколько двухэтажных домов, магазин да амбулатория.
Меня поселили в школьном интернате. Здесь временно живет фотограф с сынишкой.
- Сегодня мы с Алькой идем на высоту 144, желаете, присоединяйтесь к нам, - сказал фотограф. Я согласилась. И вот мы идем по дороге, километра четыре топаем.
Сам он работает в научно-исследовательском институте атомной энергии в русском городе Н. и одновременно увлекается фотохроникой. Подтянутый, с хорошо поставленным голосом. Похоже, он из тех, кто живет в обнимку с миром. Каждое лето ездит по местам боевой славы, находит имена погибших, восстанавливают и ставят обелиски.
- В школьном музее есть очерк Шалвы Исидоровича Хмелидзе о героях 144 –ой высоты, - говорит фотограф.
- Надо будет почитать, - говорю я.
...Обелиск с именами десяти молодых, двадцатилетних ребят разных национальностей, погибших здесь в конце войны. Рядом с обелиском – грустит береза, кустарник, вдали – крона могучего дуба. У каждого своя высота, думаю я, и где - моя ? Сумею ли я ее взять?

В один вечер фотограф сказал: Какие звезды на небе! Красота! Я подошла к окну и залюбовалась картиной звездного неба. Большая Медведица, Малая Медведица, - вот они, как на ладони. Фотограф, выключив свет, подошел ко мне и обнял меня со спины.

Ощущение было приятным, на секунду склонила голову на его плечо, тут же отстранилась.

- Ко всем моим проблемам не хватает еще одной проблемы, - сказала я.

- Аннушка, проблемы не будет.- Но будет скорый отъезд, - подумала я и ушла в свою комнату.

На следующий день мы идем купаться на озеро. Фотограф разжигает костер, ставит варить уху, хитро улыбается: Ну что, операция «затемненные окна» или операция «Экзюпери» (у меня с собой «Планета людей» Экзюпери). Мы, конечно, можем разойтись по разным комнатам.

Этим вечером я первая пошла спать в свою комнату, на следующий вечер он пошел первым спать в свою, готовясь к рыбалке.

Воскресным днем одна в двухэтажном общежитии. Осмотрела школу. Красивая старинная усадьба, утопающая в зелени. Холмистая, поросшая зеленью местность. Сын фотографа, Алька, сказал, что они с отцом ведут дневник. Принес. Взглянула на последние дни. Отдых на озере. Стирка. Отбой. Поднялся в 9. Ходил за грибами. Слова-пометки для памяти. А может быть, думаю я, в этом и есть смысл: ходил по грибы, стирал. Да и мальчика приучает вести дневник.

Вспоминаю последнюю встречу со своим парнем, Сашей. Сейчас он в армии на несколько месяцев после окончания университета.

Вечером смотрела по телевизору фильм. К фотографу пришел мужчина и принес грибов и самогон. О, проявитель или закрепитель? – пошутила я. Мужчина, директор совхоза, похвалил мою шутку и сказал, что завидует фотографу. Это он про соседство со мной.

Начался дождь.

-Я люблю дождь,- сказал фотограф.

- В каком плане? – спросила я.

- Во всех планах!

...Фотограф с сынишкой уехали, технички унесли их веселые бумажные стаканы. Время спустя приехала новая учительница начальных классов, Ирина. Маленькая, милая, натуральная блондинка, мы сразу же с ней нашли общий язык, и я показала ей все, с чем меня накануне познакомил фотограф. Ира когда-то играла в школьном спектакле Белоснежку, но теперь, по ее словам, слабо верит в силу добра и наше светлое будущее в поселке Р.

Нам предложили временно поселиться вдвоем в мансарде, пообещав привезти необходимую на первый случай мебель. Осмотрев «голубятню», так ее окрестила Ирина, мы согласились, а что было делать? вдвоем будет веселее, да и не вечно же жить здесь. Даст бог, что-нибудь переменится, изменится в нашей жизни.

На подводе нам привезли столы, тумбочки, кровати стояли уже на месте. Справили новоселье, пригласив своих коллег, учительницу по математике и учителя по физике, для которых этот учебный год также был началом работы в школе.

Почту здесь привозят на бричке, запряженной конем. Еще издали мы слышим ее приближение, остановки у соседнего дома. Почта. Конечно, мы ждем писем.

Нам провели радио. На первую полчку я купила радиоприемник ВЭФ. Вечером слушаю эфир. «Снегопад, снегопад, если женщина просит...», «Надежда – мой компас земной...».

Мне дали два десятых класса и пятый. Первые страхи и волнения, притихшие детские лица, говоришь серьезные вещи, а дети слушают. Есть в этом особая прелесть.

Пятиклассники, конечно, живчики, тут не отнимешь.

После первых уроков в школе началась уборка урожая, собираем с учениками картошку на совхозном поле.

Мы с Ириной записались в районный хор учителей. Не то чтоб мы такие сторонники хорового пения, скорее чтобы съездить в город, развеяться. Ездим теперь по средам в районный центр, Лудзу. Автобус несется по сельской дороге, оставляя за собой шлейф пыли, а ты сидишь и любишь золотой осенью, многоцветьем деревьев, мысленно возвращаешься к урокам, к их маленьким промахам и успехам, например, показала детям портрет Полины Виардо, а они сказали: какая некрасивая...

В середине сентября в школе традиционно проводится День поэзии. К этому дню приурочили выставку осенних даров и поделок из природного материала, выпустили стенгазету со стихами.

И вот - делегация гостей: поэт Иероним Стулпан, сатирик Целс Меламед и другие. Поэты читают свои стихи, писатели - миниатюры. Особо запомнились слова Иеронима Стулпана, с восхищением отозвавшегося об удивительном уголке природы: «Такая красота может создать в душе особую красоту – доброту».

Директор школы поручил мне подавать гостям кофе. Потом состоялся торжественный обед. Звучали тосты, афоризмы. Я набралась храбрости и подошла к Иерониму Стулпану, сказала, что сама пробую писать. Он дал мне свою визитную карточку. И поскольку я сказала, что за столом и плохие стихи хороши, пообещал написать мне за письменным столом. Прислал потом открытку, пригласив меня в Ригу.

Поговорила с директором. Он сказал: Почему нет, возьмите методический день и поезжайте. И вот я оправляюсь в командировку.

Поезд рано утром, поэтому нужно переночевать у знакомой, ее зовут Лидия, в Лудзе, а утренним поездом – в Ригу. С Лидией мы учились на филологическом факультете в Даугавпилсском пединституте, хотя и в разных группах. Вечером отправляюсь в Лудзу. В ее квартире темно, нет света, какие-то неполадки с электричеством, оборвалась электропроводка, и два ее соседа вызвались помочь. И вот, к нашей радости, неполадки со светом устранены. Знакомимся.

Два молодых человека Николай и Сергей. Первый - высокий, с рельефными чертами лица, симпатичный, второй невысокий темноглазый, начитанный, речистый, что-то польское, - мелькнуло в голове при первом взгляде. Выпив предложенный хозяйкой чай, мы вышли на улицу и направились к автовокзалу. Шел снег, и молодые люди задорно, в два голоса скандировали стихи:

Если жизнь облыжная вас не дарит дланями-
Помогите ближнему, помогите дальнему!
Помогите встречному, все равно, чем именно.
Подвезите женщину - не скажите имени.
Не ищите в Библии утешенья книжного,
Отомстите гибели - помогите ближнему.

Невольно присоединилась к их декламации, вспомнив знакомые строки - Андрея Вознесенского.

В жизни чувства сближены, словно сучья яблони.
Покачаешь ближние - отзовутся дальние.
Пусть навстречу женщине, что вам боль доставила,
Улыбнутся ближние, улыбнутся дальние.
У души обиженной есть отрада тайная -
Как чему-то ближнему, улыбнуться дальнему ...

Под аккомпанемент тихо кружащегося снега звучала и "Свеча" Бориса Пастернака. Потом Сергей, идя рядом со мной, прочел это:

Вы полюбите меня, но не сразу.
вы полюбите меня скрытноглазо.
вы полюбите меня вздрогом тела,
будто птица к вам в окно залетела.

Вы полюбите меня. руки стиснем.
невозможно на земле разойтись нам.
вы полюбите меня?! где ваш разум?
вы разлюбите меня, но не сразу.

- Евгений Евтушенко. Вы что же, заманиваете девушек стихами? – пошутила я, улыбнувшись.

- Нет, на стихи ты первая откликнулась, - сказал Сергей.

...В кабинете Иеронима Стулпана – книжные полки вдоль всей стены, рабочий стол, на нем лист со стихами. Портрет поэта в молодости. Ну что, такого можно было поцеловать? – спрашивает поэт, и я ощущаю двусмысленностью ситуации, в которую попала, чувствую высокий потолок комнаты, нарастающее ощущение неуюта. Мы отправляемся в пресс-центр, предварительно позвонив Леониду Черевичнику в редакцию журнала Даугава, он спросил: А много у вас стихов? А с собой? Я отвечала, что не очень много. Мне кажется, сказала я, что это слишком камерные стихи. - Нет-нет, не камерные, добавил Иероним Стулпан в трубку. - У меня тоже есть камерные стихи, ответил Черевичник и согласился принять нас. Леонид Черевичник, чей сборник стихов «Зеркальная колыбель» был мне хорошо знаком, многие стихи мне нравились и были близки по стилю.

...Мы возьмемся за руки
и полетим.
А если у нас не будет рук?
если у нас не будет рук –
мы придумаем что-нибудь другое.

...Посмотрев мои рукописи, он спросил, каких классиков я люблю. Цветаеву. А Еще. Пастернак, Ахматова. – Современное поколение мало знает этих поэтов. А Пушкин? Лермонтов? – Это само собой. Сказал, что еще посмотрит мои стихи, чтобы прислала другие свои работы, но я поняла, что это ответ, печатать он их не будет. Однако я была рада, что увидела поэта. Высокий, красивый, седой, в новом костюме в освещенном солнцем кабинете.

В редакции журнала Карогс услышала такой отзыв: Свежо, лирично, вы не только можете писать, вы должны писать.

Среда. Мы отправляемся на хор. Четыре часа дня, а уже темно, накрапывает дождик. И вдруг карие глаза под зонтиком. Как же я обрадовалась. Сергей!

- Хотела позвонить Вам, но я не знала номер Вашего телефона. Я хотела спросить, куда вы дели снег? – Но ведь мы не обещали снег. – Если бы вы захотели, снег бы был.

Сергей пригласил меня на день рождения своего друга. Субботним вечером отправилась в Лудзу, договорившись переночевать у своей знакомой.

Радость знакомства, радость от того, что читали одно и то же, радость духовного родства. «Ну где еще схлестнемся?».

Утро. Все в снеге, в инее, голубо-розовые тона неба. Озеро подо льдом. Зимняя сказка.

Сергей показывает старинное городище, стены Латгальского замка, Лудзен (Люцин), построенного тевтонцами в конце 14 века на холме между Большим и Малым Лудзенскими озерами. Ранее и сам город назывался Люцин, - рассказывает Сергей. – потом переименовали в Лудзу.

Рядом с Сергеем все интересно и наполнено смыслом. Без него Лудза - набор магазинов и хоровое пение.

Суженый Кристины

Здравствуй, Кристина, человек ты мой дорогой!

Если бы мне встретился сейчас какой-нибудь старый знакомый и кинул небрежно затасканный вопрос, «как жизнь», я бы ему смог дать лишь один, может, весьма не литературный, но в общем-то самый точный ответ: «бьет ключ и все по голове». Последние прожитые сутки – один кошмар, трудно даже вспомнить. Вчера приехали ко мне сын с бывшей женой. Однако радости от этого получилось весьма-весьма мало. Не знаю, или я ненормальный или она, или оба мы, но люди мы несовместимые: словно два куска плутония с определенной массой, сдвинешь вместе и – вспыхнет ядерный взрыв,

пойдет в пух и прах все: и плохое и доброе, уродливое и прекрасное, виновное и невинное. Хоть, кажется, и гореть-то уже нечему, все давно уже сожжено.

Сына жалко: уж до того он ко мне привязан. Еле оттянула его от меня, весь слезами заливался: «Останусь с папой, не поеду, останусь с папой». Силой уволокла.

Так и ушли они, один с гордо поджатыми губами и блеском гнева в глазах, другой, размазывая слезы по щекам. Остались я, транзистор, нож, саксофон и разбитая взрослой рукой детская игрушечная машина на полу, мой подарок сыну. Завтра уйду опять с головой в работу, благо, что я так часто занят. Опять будут кругом знакомые и друзья, улыбающиеся пары в зале. Смотришь на их счастливые лица и отодвигается куда-то все неприятное, уходит до того момента, когда ты окажешься один среди четырех стен в вечерних сумерках.

Кристина, милая моя, родненькая, я не знаю, поступаю ли я правильно, рассказывая тебе все это, но я обещал быть откровенным с тобой, да и поделиться мне больше не с кем. А что касается этой женщины, то слишком далеки мы с ней, она все больше удаляется в прошлое, покрывается пылью забвения и уже не способна вызвать каких-либо положительных эмоций. Единственное несчастье, что она мать моего сына, и это заставляет меня, вопреки моим желаниям, иногда встречаться с ней.

Кристиночка, ты еще хотела узнать, как я провел вечер Лиго. Были на даче у друга, искупались, развели костер, выпили. Вот и все. На следующий день они приехали и началось это. Так и прошли очередные три дня моей жизни.

А твои-то дела как? Как воспринимается родной город после долгого отсутствия?

Ма ме ты что-нибудь говорила? Буду стараться писать тебе почаще, даже не дожидаясь ответов, как договорились. Пиши мне, милая. Если бы ты знала, как мне сейчас тебя не хватает тут, рядом.

Люблю. Целую.

Янис.

25.06.80.

Кристина, любимая, здравствуй!

Приехал сегодня из столицы, нашел твой конверт со знакомым твоим почерком и уже просто не могу не писать. Это ведь единственная возможность в данный момент поговорить с тобой, почувствовать, что ты есть, пусть далеко, но в то же время рядом, самый близкий, милый мой человек. Пусть я не вижу тебя, не могу прикоснуться к

тебе, гладить твои волосы, целовать твои губы, глаза, пусть нас временно связывает лишь тоненькая ниточка нашей переписки, но, прикасаясь к твоему конверту, читая строки, написанные твоей рукой, я знаю, я чувствую, что ты есть, есть где-то именно сейчас, в этот миг, что я не один, что ты помнишь меня, что разлука эта недолгая, временная, я скоро встречу тебя, опять буду с тобой, и от всего этого, от этих чувств, мыслей я частлив. Кристиночка, милая, я знал, что мое первое письмо может привести тебя в смятение, но я не хотел ничего скрывать от тебя, просто не мог. Не могу с тобой играть в прятки. А случившееся – это просто отзвуки моего прошлого. Ты когда-нибудь наблюдала за природой после сильной грозы? Гроза уже прошла, засветило солнце, но еще сверкнет на темном горизонте молния, пугают удаляющиеся раскаты грома. А вокруг все оживает, клубится паром залитый луг, выпрямляется согнутая ветром трава, распускаются цветы, опять поют потицы, жизнь идет дальше.

Завтра утром еду в Ригу, так что настроение у меня. Как ты говорила, чемоданное. Не очень-то хочется ехать в эту Ригу. Любое зрелище – это зрелище для зрителей, а для тех, кто его делает, для участников – это труд, порой даже нелегкий, уж я это знаю. Тебя в Риге не будет. В субботу, буквально за несколько часов я должен успеть вернуться обратно, в Даугавпилс, хорошо, если на самолет успею. Еще одна неделя осталась, а потом поеду к тебе.

До встречи, милая.

Целую тебя, милая.

Янис.

Лиго

Ты спрашиваешь: "Что такое Лиго?".

Мне вспоминается вечер накануне Лиго в старинном парке. На возвышенности, где некогда была графская усадьба, окруженная обводным каналом с могучими деревьями по краям - концертная площадка под открытым небом. Зрители заполнили все деревянные скамейки, сейчас на большой сцене начнется праздничный концерт. Участники самодеятельности в латышских костюмах ждут своего выступления: девушки в зелено-красных, красных юбках и белых льняных кофтах. Девичьи головки украшены веночками из полевых цветов: клевер, ромашки, васильки, колокольчики, переплетенные с зеленью трав. Юноши и мужчины в серых брюках и белых рубашках. Возле сцены - автобусы, в которых приехали гости - участники концерта. На плечах женщин белые шерстяные накидки "виллайне", скрепленные сактами* с красным стеклышком. Волосы под белыми чепчиками, или традиционными венками, вышитыми стеклянным бисером.

У сцены ведущие концерта, балетмейстер - постановщик танцев Ина Зандаре: движения ее танцоров, будь то старшая или младшая возрастные группы, отточены, отрепетированы.

Полукругом раскинули свои палатки народные умельцы: вязание, картины, деревянные поделки, изделия из кожи, керамика: матовые и покрытые зелёной, жёлтой или коричневой глазурью (или сочетанием нескольких цветов) кувшины, кружки, матовые, из живой глины сосуды с крышечкой для хранения напитков. Мастера керамики Латгале (ударение на первый слог; читатель, мы с вами в восточном крае Латвии: Латгалии; интересно, что издавна местные жители называли ее Лотгале...) издавна славились своими поделками: изготовлением бытовой и декоративной керамики. У латгальской керамики свой особый неповторимый облик, благодаря которому её легко можно узнать: волнообразный край сосудов, рельефные и фигурные украшения. Широкие волнистые полосы, прикрепляемые к сосуду одна под другой,

создают удивительный наряд из "оборок" и "юбочек".

...Пахнет пивом, шашлыками, дымком. На прилавках неперменные атрибуты Лиго - пиво и сыр. Причем сыр желателен с тмином. По народным поверьям, попадающийся в дольках тмин лучше всего хорошо разжевать - тогда пропадут все напасти.

Посреди полянки конус стволов и ветвей, прикрытый целлофаном (на Лиго не редок дождь): костер Лиго будет зажжен по окончании концерта, ближе к полуночи.

Ты спрашиваешь: "Что такое Лиго?"

Лиго - это праздник в Латвии, который отмечают 23 и 24 июня — день летнего солнцестояния — аналог Иванова дня в других восточно-европейских странах, в Белоруссии, на Украине, в Польше, в Саксонии и в некоторых других сельских уголках Европы.

Традиции празднования имеют много общего с днем Ивана Купалы. Но в Латвии эти дни являются официальными выходными и стали одними из самых ярких праздников республики: рассылаются открытки, идет подготовка участников хоровых и танцевальных коллективов, фольклорных капелл, естественно, готовятся и различные кампании.

Лиго - это именины Янисов и Лиг (Лига — женское имя), а в Латвии именины празднуют едва ли не больше чем день рождения. В этот день Янисы носят большие венки из дубовых листьев и принимают поздравления. Если в компании нет ни одного Ивана или Яниса, его «назначают» и он становится центром внимания.

Лиго – это песенный припев. Что означает это слово, можно лишь предполагать .

Одни считают, что Лиго - богиня любви.

Другие - названия бога веселья Лиго, который в латышском эпосе изображается как древнелатышское божество песни.

Из дневника Кристины Круиз по Черному морю

Мы с мужем совершили круиз по побережью Черного моря: Ялта –Сочи- Батуми на теплоходе «Адмирал Нахимов» с 28 июня по 5 июля 1985 года.

Нужно ли говорить о том, как год спустя после поездки, переживали мы, узнав о трагедии - о столкновении «Адмирала Нахимова» с сухогрузом «Пётр Васёв»... Ведь это могло произойти и с нами.

«Адмирал Нахимов» - трофейное немецкое судно. Прежнее его название «Берлин». Это было большой старый теплоход, множество раз крашенный снаружи. Внутри запомнился большой зал для отдыха с красиво инкрустированными стенами и мебелью. Бассейн на центральной палубе. Однажды утром я нырнула в бассейн, забыв снять часы, подаренные мужем. Они остановились. Чуть позже поняла: это был символ. Я живо себе все представила.

Путевки и каюты у нас были не первого класса.

Кабюта мужа находилась на ярус ниже центра корабля, а моя – почти на самом дне.

Однажды, стоя на перроне в ожидании поезда, разговорилась с пареньком,

ожидавшим, как и я, поезда. Он рассказал, что оказался в числе вернувшихся. Не вернулась треть, по его словам. Сам он прошел курс реабилитации от пережитого шока. А в свою квартиру забирался через форточку - ключ затонул.

Путевку в круиз для Марины и Татьяны достал их друг, Виктор, и принес их прямо в магазин «Юбилейный», где девушки работали. Родители Марины заметили: «В круиз собралась, а плавать не умеешь.» - «Витька – мастер спорта по плаванию. Вместе выплывем,»- отшутилась Марина.

И вот они на теплоходе. Небольшая каюта с иллюминатором, в которой волею случая попали еще две одноклассницы девушек.

В десять часов вечера два буксира медленно отвели ярко освещенного «Адмирала Нахимова» от причала – судно своим ходом начало движение к выходу от ворот порта. Одни пассажиры находились в ресторанах и барах, другие готовились ко сну у себя в каютах, третьи просто стояли на открытых палубах и наслаждались морским воздухом. В кинозале в половине одиннадцатого начался фильм «Я любил вас больше жизни». На одной из палуб шел концерт для ветеранов. В недрах судна, в машинном и котельных отделениях несла свою службу команда.

Марина с Татьяной пошла в душ, собираясь потом пойти на дискотеку. А подружек закрыли на ключ – набегавшись по городу, не чувствуя ног, те завалились спать.

Глухой удар и толчок рассмешил девчонок. «Все, Танька, мы сели на мел! Немытые плясать пойдем»,- сказала Марина. Однако тут же погасший свет насторожил.

«Интересно, что случилось?»- спросила Марина у женщины в соседней кабинке.

«Ничего страшного, девочки, все нормально,»- утешила незнакомая женщина. Но шум переливающейся воды, резко прекратившейся музыки и крик «Мама, кругом вода» заставил похолодеть. Корабль стал крениться. В кромешной темноте, по щиколотку в воде, девушки рванули по коридору. Все Мариного существо стремилось наверх, но зажатый в руке ключ прожигал ладонь: в закрытой каюте остались Ирена и Наташа. Никто не знал, что счет идет на минуты. Крики напуганных подруг подстегивали: ключ, как в масло, вошел в замочную скважину. В каюте, за толстым стеклом плескалась вода.

Спасибо тому матросику, который утром не внял их просьбам и в преддверии ожидаемого шторма задраил иллюминаторы.

Натянув на себя спасательные пояса, все вчетвером бросились к выходу. Палуба накренилась. Марина и Татьяна доползли до кормы. По пути Маринам поскользнувшись, скатилась вниз, но Татьяне удалось вытащить подругу за руку. Скрежет ломающегося и деформирующегося металла. Ухватившись за какие-то железки, они прижались друг к другу. Пароход тонул на глазах: смелые давно попрыгали в воду. «Давай!»- взяв подругу под руку,- закричала Татьяна.- Пора!» Но в этот момент какая-то женщина сорвала с Татьяны спасательный пояс. «Забери у нее! – обомлела от неожиданности Марина. Однако полные ужаса глаза незнакомки и прижатый к груди пояс говорили о том, что так просто она его не отдаст. «Бог с ним, прыгаем!»- это были последние слова, услышанные Мариной. Корабль накренился, руки подруг разжались.

Под водой Марина находилась целую вечность. «Хватит мучиться,» - пронеслось в голове, но тут ее, словно мячик, выбросило на поверхность. Отдышавшись, она стала звать на помощь. Однако барахтавшиеся рядом были в таких же условиях: перемазанные, как и она, краской и мазутом, они боролись за свою жизнь. Хаос плавающих предметов, шипящий, булькающий воздух, вырывавшийся из полузатопленных отсеков. Многие плавали вверх ногами: они неправильно надели жилеты.

Через два часа подоспела помощь: военные катера. Еще через час, укутанная в одеяло,

трясущейся рукой Марина составила телеграмму: «Мама. Я жива, нахожусь в Новороссийске.»

Через два часа подоспела помощь: военные катера. Еще через час, укутанная в одеяло, трясущейся рукой Марина составила телеграмму: «Мама. Я жива, нахожусь в Новороссийске.»

Весть о гибели парохода достала маму Марины на работе. Галина Павловна упала в обморок, на скорой ее отвезли домой. Там ее уже ждала телеграмма.

Наташи не было ни в списках выживших, ни в списках погибших. На верхней палубе, когда четверка разделилась, Наташа свалилась в бассейн. Каким-то чудом сумела выкарабкаться, но тут ее залило краской. В порту, когда отмывалась, кто-то переключил воду на кипяток: с нервным шоком она была отправлена в больницу, затем самолетом в Ригу. Отец Наташи, узнав о случившемся, посидел за ночь.

Родители девушек останутся навсегда благодарны Марине с Татьяной, которые вернулись открыть каюту. Марина до сих пор хранит тот ключ.

Вся четверка выжила.

А Виктор Кайдошко погиб. Мастер спорта по плаванию, он до последнего вздоха спасал людей. Ему было 25 лет.

Особенно мне запомнилась публикация в одном журнале. Мать сделала все, пройдя через все этапы поисков затонувших, чтобы тело ее сына было поднято со дна моря. Ее сын, за которого держалось несколько девушек, видимо, не умевших плавать, потонул вместе с ними. «Как горсть винограда...»

Некоторое время спустя прочитала в газете «Аргументы и факты» о том, что кто-то с кем-то сводил счеты... А капитан катера, столкнувшегося с теплоходом, не отличался высоким профессионализмом в своем деле, деле вождения корабля...

На том же самом месте, где произошла трагедия «Адмирала Нахимова» с другим судном, (в бухте Новороссийска) в 30-х годах были затоплены монахи Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря, основанного в 1875 году недалеко от Сухуми, рядом с пещерой, где жил, проповедовал и был обезглавлен ученик Иисуса Христа Апостол Симон Кананит. Вторую партию монахов, 140 человек, привезли в новороссийскую тюрьму. Монахов расстреливали партиями ночью на полосе земли, уходящей в море, которую местные жители называют Косой. Тела убитых затем отвозили к горе Колдун, что в семи километрах от Новороссийска, и там, у подножия горы сбрасывали в яму и засыпали землей. До сих пор точно неизвестно место их захоронения.

Об этом я узнала в «Сокровенных историях» - книга из серии «Колокольчики святой Руси»/ Владимира Лермонтова, потомка рода Лермонтовых, рода рыцарей и бардов, мистиков и пророков, посвятившего свою жизнь изучению человека, бытия, Вселенной.

Германия как судьба

Мои двойняшки выросли, поступили в университет, в котором училась ранее я. С мужем мы давно расстались, и естественно, хотелось устроить свое женское счастье. Однажды мои друзья, побывавшие в Германии, сказали, что у них есть знакомый немец, который не прочь жениться на русской. Но лучше, высказали пожелание мои знакомые, чтобы женщина была с паспортом гражданки Латвии, ведь тогда немцу не надо высылать приглашение, делать транзитную визу через Польшу, в общем, поменьше хлопот. У меня был паспорт негражданки Латвии (граждане, согласно закону, коренные, и те, кто приехал в Латвию до 1940 года). Пришлось порекомендовать знакомую девушку, сироту.

Девушке, звали Ангелина, было около 40, но выглядела она молодо. Осенью она страдала депрессивными расстройствами. Оставшись одна, без родителей, она чувствовала себя одиноко и говорила мне, что хотела бы жить семейной жизнью. Несколько раз она повторила это: хотела бы жить семейной жизнью.

«Но ведь ты принимаешь лекарства, - говорила ей я - это может повлиять на ребенка.»
«Это ничего, - отвечала Ангелина, - я не пью и не курю, и это важно.»

Проконсультировавшись с ее лечащим врачом, услышала, что Ангелина неукоснительно выполняет указания врачей, принимает таблетки, и когда бывают осложнения, она сама приходит в больницу, да и характер у нее неплохой, и ей было бы лучше выйти замуж, чем жить одной.

И она поехала в Германию. Мужчина предложил ей пожить у него в небольшом немецком городке.

Истекал срок ее пребывания там (три месяца), и я позвонила, чтобы узнать, как идут ее дела.

В телефонной трубке зазвучала немецкая речь, в голосе мужчины слышались слезы, всхлипывание, слезы и единственное понятное слово «хоспиталь». Я прикрыла ладонями глаза, душа, как говорится, ушла в пятки. Насколько я поняла: мне позвонят на следующий день, с переводчиком.

С той стороны провода зазвучала русская речь. Переводчик (молодой приятный голос) рассказал, что Ангелина перестала есть, очень ослабла и ее отправили в больницу, спросил, было ли здоровье Ангелины застраховано, есть ли страховка, иначе за ее пребывание в больнице придется уплатить пять тысяч дойч-марок. Понятно, что такими деньгами ни Ангелина, ни я не располагали, а с такой болезнью, как у нее, в Латвии вообще не страхуют. Я объяснила переводчику все, как есть. И услышала, что врач нашел ее свидетельство о болезни, зашитым в рукав куртки.

Переводчик сказал: «Если бы девушка а рассказала о своей болезни, ее бы поняли, и все могло бы сложиться иначе».

Я поняла, что это тот редкий случай (на это я и рассчитывала в душе, зная, что девушка больна), который не часто бывает в жизни: встреча с людьми душевно тонкими.

"Отправляйте ее домой, - попросила, пообещав встретить ее в Риге на вокзале.

Ангелина вышла из двухэтажного автобуса, подождала, пока выдадут чемоданы. Одета она была зимним утром лишь в шерстяную кофту. И по тому, как она держалась за чемодан (мужчина подарил ей чемодан) и отказывалась одеть что-то потеплее, и можно было понять: обострение болезни. Переночевав в столице, у знакомых, мы приехали домой.

Не сразу, постепенно, в другой раз она рассказала, что жила в отдельной комнате, мужчина был к ней добр, но он ей не понравился: морщины на лице, много курит, редкие волосы. Сережка-крестик на одном ухе. Так почему же ты жила у него три месяца? Почему не возвращалась домой?

Я думала ты погостишь недельку и вернешься. Ответ понять было трудно, очевидно, не так уж и плохо ей там было. Мужчина (его звали Иоганн) купил ей обувь, одежду, но взяла она с собой лишь украшения, недорогие, но со вкусом, и чемодан. По ее рассказам, можно было представить одинокого мужчину, нуждающегося в женском внимании. Терпел ее три месяца! И не тронул. Слава тебе Господи, все обошлось.

Потом мне позвонили из Германии. Я рассказала, что встретила Ангелину, все нормально. Попросила переводчика извиниться за все случившееся и сказать, мол пусть немец приезжает в Латвию в гости: у нас немало одиноких женщин. Естественно, я сказала это для красного словца. Но мои слова были восприняты буквально. И через некоторое время последовали звонки. Оказалось, понравился мой голос. Переводчик сказал, что в феврале, к Дню св. Валентина следует ждать гостя.

Иоганн звонил по вечерам. Вслушиваясь в немецкую речь, я записывала слова, которые удавалось уловить в потоке незнакомой речи и потом смотрела перевод в словаре (ранее, в школе и институте я учила английский).

Теперь же приобрела самоучитель немецкого языка С.А. Носкова. Знакомая учительница немецкого языка рассказала о некоторых основных особенностях немецкого языка, ознакомила с пространственно-временной лексикой, а также со словами, означающими родственные связи, приветствия и прощания.

И вот гость уже в Риге. В телефонной трубке звучит его Tscuess – пока.

И хотя я отправилась на автовокзал за полчаса до прибытия автобуса и останавливаюсь у журнального киоска, гость уже ждал: «Приехал! Автобус пришел раньше.»

Высокая фигура, одет в серую куртку и черные кожаные брюки.

Вблизи, в полумраке февральской ночи, едва освещенной тусклым светом фонаря мы посмотрели друг на друга. В действительности он оказался приятнее, чем я представила его по рассказам Ангелины: худощавое лицо: складки от носа к углам рта, причем, подходят ему, а морщины около глаз говорят о доброте характера.

Я подала руку для приветствия, но Иоганн, улыбнувшись, дружески обнял меня. Наклонившись к чемодану, достал и поднес букет цветов.

Дома он достал маленький электронный словарь-переводчик и положил его на журнальный столик. Понятно, с дороги надо отведать чаю или кофе. «Тее,» - набрал Иоганн в электронном окошечке и объяснил принцип работы словаря, запас слов которого позволял изъясняться на пяти языках (написать-перевести можно лишь одно слово).

Удивительно, но я сразу поняла, о чем он рассказывает, еще бы не понять: он рассказывал об Ангелине, как она перестала есть, выбрасывала все им приготовленное на обед, как попала в больницу. Он говорил о себе, о своей жизни, о том, что лежало на душе. Я показала гостю спальню: «Отдых. Erholung.»

Утром Иоганн побрился, его бледное с дороги лицо порозовело, от него приятно пахло туалетной водой.

Выпив кофе, мы отправились знакомиться с городом, взявшись за руки, так принято в Германии.

Почта по-немецки - Post, дом культуры - Kulturhaus (культурхауз), по-латышски "Kulturams" очень похожие слова.

В театре Даугавпилса в день св. Валентина шла пьеса по мотивам русского романа.

История бедной девушки и богатого барина. Девушка, некогда оставленная своим возлюбленным, заводит постоялый двор, где и встречает барина. Любовь, расставание, встреча и снова расставание. История любви и шире - жизни показаны через щемяще-грустную мелодию русского романса.

В трактир заходит ямщик - атласная алая рубаха, черные атласные шаровары - и увозит барина. Героиня остается одна. Представьте, все оказалось понятным. И запомнилось не на один год.